

18+

Валентина Иванова (Спирина)

Каракули сказочного графомана

Ничего себе сказочки

Валентина Иванова (Спирина)

Каракули сказочного графомана. Ничего себе сказочки

«Издательские решения»

Иванова (Спирина) В.

Каракули сказочного графомана. Ничего себе сказочки /
В. Иванова (Спирина) — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507652-6

Доброго времени суток, дорогой читатель! В этой книге я собрала рассказы, объединённые циклом «Варварские Сказки». Написаны они по мотивам онлайн-игры. Ну а почему бы и нет? Есть же фильмы, снятые по мотивам комиксов. И есть комиксы, созданные на основе фильмов. Ну а что из этого получилось — Вы увидите сами. Вернее прочтете. И не столь важно, о драконах или каких-то других мифических существах написано. Главное то, что все это про любовь и дружбу, добро и зло.

ISBN 978-5-00-507652-6

© Иванова (Спирина) В.
© Издательские решения

Содержание

Олен Лисичка 6
Ничего себе сказочки 7
Осколки Времени 10
Святилище Предков 12
Легенды Варваров 15
Варвариос 17
Ваалфегор 20
Воин-смерть 21
Дар Любви 23
Пятигранник 25
Одна на всех беда 28
Темнокрылый 33
Общая беда 35
Танцующая в Огне 37
Царица 42
Замок Ангелов 44
Гравёр 45
Часть 1 45
Часть 2 48
Часть 3 51
Гладиатор. Part 2 56
Новый Год 58
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Каракули сказочного графомана Ничего себе сказочки

Валентина Иванова (Спирина)

Редактор Валентина Спирина
Дизайнер обложки Валентина Спирина

© Валентина Иванова (Спирина), 2019
© Валентина Спирина, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-7652-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Олен Лисичка
Член Интернационального Союза писателей, Вице – лауреат – гран – призёр «Российской литературной премии – 2018» по версии журнала «Российский колокол» – Олен Лисичка.

Читатель! Ты открываешь книгу, которая расскажет тебе о том, что в наше время стали всё чаще забывать.

Сказки, хотя было правильней назвать их саги, талантливой писательницы Валентины Ивановой, совсем не детские, они для взрослых. Её рассказы перенесут вас в суровые миры, где правит честь и отвага, где нет места лжецам и трусам. Здесь не будет сюсюканья с читателем и полуобнажённых дев за каждым деревом. Миры суровы и живут по законам меча и силы. Сказки расскажут вам об отважных воинах, которые отлично знают, что такое честь. Любовь женщин в этих мирах, также крепка, как клинки из дамасской стали, их верность любимым по прочности может поспорить с алмазом. Кровная месть станет для вас не атрибутом диких кровавых обычаев, а поступком достойным уважения.

Не всегда мужчина может быть защитником и опорой семьи, иногда обстоятельства сильнее даже самых отважных воинов. За оружие приходится браться женщинам. Руки, ещё вчера пеленавшие младенцев, сегодня возьмутся за мечи. Кровь и хаос в рядах тех безумцев, решивших стать у них на пути – закономерный итог встречи с этими валькириями. Пухлые губки и милая улыбка в жестоких мирах не всегда является признаком беззащитности.

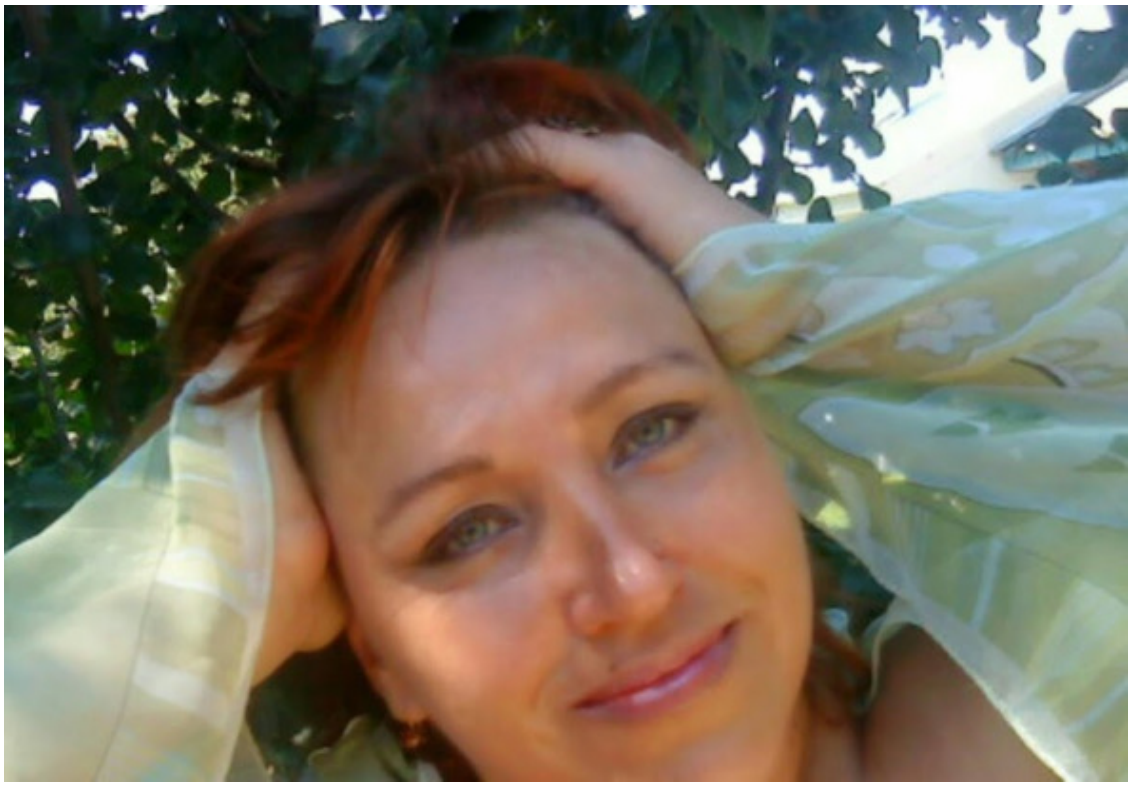
Каждый рассказ читается на одном дыхании. Сюжеты так необычны и насыщены событиями, что начинаешь дышать только с прочтением последней строчки саги.

Называя работы Валентины сагами, я нисколько не ошибаюсь. Текст так изумительно написан, что хочется не прочитать его, а пропеть с рогом вина в руках. Выпить за храбрых воинов, живых и мёртвых, за женщин, чья судьба заставляет плакать переживая их потери и радоваться искренней любви к своим мужчинам.

Ни одну из сказок нельзя прочитать и забыть, у вас этого не получится.

Ваш мир изменится после этой книги.

Ничего себе сказочки

Спирина Валентина Петровна, урождённая Иванова, отсюда и фамилия, под которой пишу. Родилась 17 мая 1972 года в маленьком провинциальном, но очень красивом старинном городе Касимов. Четвертая дочка в обычной рабочей советской семье. В 1978 году умерла мама.

Мне было 6, а ей всего лишь 40…
А за окном вовсю смеялось лето…
Но всё за нас давно решили где-то…

Не было ни страшно, ни больно. Было непонятно «почему вдруг тебя не стало?» Страх и боль пришли позже и не отпускают по сей день, и по прошествии многих лет, я с мамой, как с живой разговариваю…

Мама, мамочка, помнишь – платье из ситца?
Ты его на мое день рождения сшила…
А я помню. Оно до сих пор мне снится…

Рядом с домом находилась Станция Юных Натуралистов, где и пролетели семь лет моей жизни. Уход за животными и растениями, позже селекционные работы с ягодами и как итог – медаль участника ВДНХ СССР.

Потом была лёгкая атлетика. Но я не полюбила её, а она меня и я перешла в секцию гребли на байдарках. Чемпионка и призерка России и ЦС «Динамо»

А потом грянули 90-ые… Пришлось поставить весло в угол и пойти работать. В то время в нашем городе выбор работы был ещё большой, но я пошла на хлебозавод. Он был

недалеко от дома и мне всегда нравилось, когда со стороны завода тянулся аромат свежего хлеба.

Вы знаете, какое это чувство,
Когда над полусонною землёй,
Плывет и разливается так вкусно,
Дыханье хлеба, созданный тобой…

Там и пронеслись ещё 24 года моей жизни. Там же я вышла замуж, родила троих детей – двух дочек и сына.

В 2007 году попала в больницу и, казалось бы простая операция, обернулась четырьмя годами больниц и чередой последующих операций.

Там, в больнице, я и начала писать стихи, дабы хоть как-то оттолкнуться от невеселой реальности.

Мне бы пару минут одиночества,
Чтобы громко, по бабьи, завыть.
Я живая! И мне ещё хочется
Полноценною жизнью пожить…

Но всё проходит. Больницы, слава Богу, закончились. Я вернулась к теперь уже «почти» нормальной жизни. Дети выросли. Работу пришлось сменить на более легкую.

А стихи остались.

Писать, так только от души,
Когда внутри дрожит и рвется,
Когда себя опустошив,
Ты ищешь взглядом сруб колодца —
Воды напиться ледяной,
Чтоб с новой мыслью, с новой силой
Тебя неистовой волной
Поэзия опять накрыла.

Первыми читателями и главными цензорами стали, конечно, дети. И если стихи я им просто читала и они говорили: «Маме, здорово! Мам, ты самая лучшая поэтесса!», то сказки которые я писала по мотивам онлайн-игры, они читали сами и с удовольствием.

Помню первую реакцию мужа, когда я прочитала ему свой «Пятигранник» … У него был шок. Просто шок. Пришлось читать стихотворение еще раз или два. Потом читала ему о волках, о войне и всё это время муж находился в состоянии транса. Но мозг мужчины устроен более рационально и он надеется, что однажды я стану знаменитой и богатой… Ну пусть надеется. Нужно же во что-нибудь верить.

Вообще, семье моей я не перестану говорить «спасибо» на всем протяжении моего творческого пути. Поддерживают и помогают всем, чем возможно.

Несколько лет назад наткнулась в сети на издательский сервис «Ридеро», где можно самостоятельно и бесплатно создать электронную книгу и потом заказать (уже за деньги, конечно) печатную версию, со всеми важными и нужными кодами, знаками. И началась совсем другая жизнь.

Так пришла идея создания групповых бесплатных сборников. В Контакте создала группу «Территория Творчества» и там родился на свет проект «Девять Жизней» – девять авторов,

с фотографиями, биографией и, разумеется, произведения. А в последствии и еще несколько проектов, абсолютно бесплатных для авторов.

Книги размещаются на более чем двадцати самых известных интернет-площадках. Весь процесс – от сборки текстов, редактура, корректировка до обложки и выпуска в печать – делаю сама.

На сегодняшний день в рамках группы «Территория Творчества» вышло более сорока сборников и более десяти индивидуальных книг. Всего через проект уже прошло около шестидесяти авторов из разных городов и стран.

Ну что еще можно сказать…

Многократно номинирована на национальные премии: Поэт года, Русь моя, Наследие.

Член Интернационального Союза Писателей.

Победитель шестого эпизода русско-английского конкурса им. Набокова.

Осколки Времени
Дорогим моим маме и папе посвящается…

Если бы было возможно вернуться в прошлое… Хотелось бы на миг вернуться в мой день рождения 19… года. Где за столом большая, дружная семья. Мама и папа. И сёстры. И я. Мне 6 лет. Вернуться, чтобы сказать им, как сильно я их люблю. И что это самый счастливый день в жизни.

День, когда все еще живы. Но это невозможно.

На раскопках древнего кургана,
Где история лежала под ногами,
Найден был сундук потёртый старый,
В нём сосуд и рядом с ним пергамент.

А когда зажглись на небе звёзды,
И вокруг костра сидели люди,
Старичок, из местных, старый очень,
Произнёс: – Сосуд вскрывать не будем.

– Почему? Ведь это интересно,
Может там хранится чья-то тайна.
Старичок спросил – хотите честно?
Расскажу вам старое предание.

Давненько это было. Деревня стояла тут варварская. И жили-были муж да жена. Хорошо жили, счастливо. Жена ждала ребенка, муж промышлял охотой. Ну, или воевал. Варвары народ горячий, без войны тошно им, видать, было.

Так вот, пришло время бабе рожать, мучилась, бедняжка долго, но в ночь полнолуния родила сына. А днём, когда солнце стояло в зените еще одного. Так вот который ночью родился, был темненький такой весь, смуглый, волосы черные, глаза черные. А тот, который днём родился, был беленький – светлые волосы, глаза серые и кожа белая. Чудно, право. Так их и назвали – Черногор и Белогор.

Парни росли здоровыми, крепкими. Вот только постоянно соперничали между собой во всём. У кого друзей больше, у кого меч лучше, кого мать с отцом больше любят. И чем старше становились, тем больше отдалялись братья друг от друга. И ни уговоры матери, ни крепкие слова отца, ни мудрые беседы старейшины на них не действовали. Во всех семьях то, где детей много было, все как-то вместе старались держаться, а эти – как дикие волчата друг на друга смотрели.

Наступил день их восемнадцатилетия. Ночью ураган поднялся страшный, народ из дому носа не казал, ток кто-то видел, как Черногор стоял у священных камней, что за деревней были. Стоял и кричал глядя на луну. Слов то, конечно, никто не разобрал, но само по себе это жутко было. А днём жара разошлась не на шутку. Солнце палило так, что всё вокруг дымилось. И на том же месте за деревней стоял уже Белогор и чего-т тоже кричал. Что уж это было такое, никто не знает. Только после дня рождения братья из отчего дома ушли. Каждый себе отдельную хижину построил на разных сторонах деревни.

И повелось с того дня, как где пересекутся братья, так сразу непогода на деревню обрушивалась. То снег повалит, что белого света не видно или дождь как из ведра, иль ураган налетит.

Правда, надо сказать, что в любых сражениях братья вместе держались, спина к спине. Прикрывали друг друга. А потом снова расходились, словно незнакомы. Мать то поначалу переживала шибко, а потом смирилась.

И вот надо ж такому случиться было – девку полюбили то одну и ту же. Оксанка, местная красавица. Братья совсем головы из-за неё потеряли. А она, зараза, обоим улыбалась да глазки строила:

– Не могу выбрать я одного из вас, оба вы мне любы.

Ну тогда братья порешили биться насмерть, кто победит, тому Оксанка и достанется. Вот сошлись Черногор и Белогор в чистом поле, что тут началось то. То дождь, то снег, то буран, то жара. Тучи на небе то сойдутся, то ни облачка. Жители деревни ставни боялись открыть. День бились братья и ночь. Силы-то равные. И усталости они не чувствуют. И непогода их не берёт. Вдруг слышат крик, то Оксанка бежит и кричит:

– Не люблю я вас, я Алешку люблю из соседней деревни!

Парни, как услышали это, так и застыли на мгновение. Только боевые инстинкты то сработали – у одного рука дернулась, второй ответил, так и упали братья друг друга мечами проткнув.

И сразу всё стихло. Тучи разошлись. Погода хорошая установилась. Люди из домов повысыпали. Мать с отцом молча подошли. Братьев так и сожгли вместе. А прах их запечатали в сосуд и пергаментом обвернули. На том пергаменте написано – вместе пришли, вместе и ушли. Сосуд с пергаментом положили в сундук, а сундук закопали среди священных камней. Вот такая вот история.

Чего ещё скажу – не надо открывать сосуд и тревожить прах братьев. Неизвестно, какие силы выпустим наружу.

Догорал костёр, мерцали звёзды,
Кто-то спал, а кто-то сказку слушал.
– Мда, – сказал один, – всё так непросто.
Не тревожьте братьев спящих души.

Археологи задумчиво сидели,
А старик сказал: – Пора до хаты,
Долго молча вслед ему глядели,
Молодые парни и девчата.

А наутро, взяв с собой лопаты,
Прихватив сундук с преданьем древним,
Закопали там, где был когда-то,
Каменный алтарь, что за деревней.

Святилище Предков

На старый замок опустилась ночь,
Накрыв округу теплым покрывалом.
А старый ветеран уходит прочь,
Прочь, без оглядки, под покров тумана.
Сегодня в замке был Большой Совет,
Старейшина сказал: – Настало время,
Объединиться, чтоб увидел свет,
На что способно варварское племя.
На Четырех Воителей взглянув,
Он продолжал: – Святилище воздвигнем,
И соберем туда всю силу, мощь и ум,
И смерть любому, кто туда проникнет.
Берсерк и Гал, Атлант и Ветеран,
Переглянулись – по душе затея.
Свершилось! Звездный час для них настал!
– Убьем любого, кто войти посмеет!
Старейшина неспешно продолжал:
– Святилище, увы, не безразмерно,
И я решил: Берсерк, Атлант и Гал
Должны там быть. Бесспорно. Непременно.
– А ты, – на Ветерана он взглянул,
– Ты видел всё и воевал немало,
Ты в вечность своим именем шагнул,
И твоё время отдыха настало.
Взревел от боли старый Ветеран,
И горьких слез обиды не скрывая,
Он прокричал: – Больнее нету ран,
Чем воин, что в забвеньи пребывает!
Мне места не нашлось? Пусть будет так!
Я стар и слаб? И я уже не годен?
Да черта с два! – к двери он сделал шаг:
– А главное, что я теперь свободен!
И, хлопнув дверью, сквозь густую ночь,
Собрав в себе обиду, злость и гордость,
Ушел из замка Ветеран наш прочь,
И мозг сверила мысль – «Вот это подлость.»
Средь варваров уже разнесся слух:
– В Святилище богатая добыча,
Но Берса, Гала и Атланта грозный дух,
Хранят его от варваров язычных.
И каждый воин, кто туда вошел,
Ударом первым был сражен нещадно,
И много тех, кто смерть свою нашел,
В Святилище исчезли безвозвратно.
Собрался вместе варваров совет,

Забыв обиды, споры, разногласия,
И молвил Ветеран: – Нас ждет успех,
Коль будем вместе, сообща, в согласии.
Помогут дерзость, сила и талант,
Всё пригодится, всё пойдет на дело,
И храм Святилища, я верю, будет взят,
Вперед на бой! Отчаянно и смело!
И вот десяток лучших из бойцов,
Застыли у заветного порога.
Молитвы шепотом. Забрала на лицо.
И веруя в себя и в помощь Бога.
– Берсееерк! Как гром раздался из глубин.
И красным светом залилась пещера,
Щиты включили воин как один,
Удар такой, что аж в ушах звенело.
Но страха нет и руки не дрожат,
Спасибо медикам, что постоянно лечат,
Сознанье четкое и ясный взгляд,
Хоть град ударов покрывает плечи.
Берсерк слабеет, гаснет его жизнь,
И каждый варвар вторит как молитву:
– Держись, браток! Держись! Держись! Держись!
И мы возьмем победу в этой битве.
Убит Берсерк! Награда – фолиант.
Но рано, очень рано расслабляться.
Готов к атаке новый сет-талант.
И Ветеран кричит: – Готовься, братцы!
– Голиаааф! Под сводами гремит,
Желтый свет слепит глаза до боли,
Сто процентов отраженья щит,
Стон от удивления невольно.
Бой идет, кровавый страшный бой,
Варвары – народ упрямый, стойкий,
Голиаф издал предсмертный вой:
– Я повержен! – прозвучало горько.
– Браво, парни! – молвил Ветеран,
Можем же. Мы вместе – это сила!
Грянуло в Святилище: – Атлаааант!
И зеленым светом озарило.
Он живуч – в нем жизни тыщи гидр,
Но не страшен черт, как о нем брешут,
Хоть хранит его энергощит,
Варварский топор найдет в нем бреши.
Каждый варвар стоит пятерых,
Мудрость предков придает им силы,
И Атлант повержен и разбит,
Хоть и очень, очень трудно было.
– Мы сумели, парни! Мы смогли!
Пройдено Святилище! Победа!

Берс, Атлант и Гал – все полегли.
Слава Богу! Слава нашим предкам!
Опустился старый Ветеран
На порог Святилища заветного.
Кровь стекала, капала из ран,
И слеза катилась незаметная.
Грозный Дух в Святилище опять
Вновь воскреснет, дайте только время,
Снова будет воинов он ждать,
Такого теперь его уж бремя.
И подумал старый Ветеран:
Может быть, и это будет честно,
Потеснятся Гал, Берсерк, Атлант
И ему в Святилище найдется место.

Легенды Варваров

Далеко-далеко, среди гор, среди скал,
Где зеленые сосны касаются неба,
Жил да был наш герой, наш седой ветеран,
Старый воин. Легенда минувшего века.
Сколько было боев, сколько ран и потерь,
Сколько раз хоронил он друзей и знакомых,
Сколько было побед. Ну а что же теперь?
Он один. Без семьи, без друзей, и без дома.
У подножья горы, где драконы живут.
На зеленой траве, на подушке из моха,
Старый воин нашел долгожданный приют.
Глядя в небо подумал: «Не так уж и плохо…
Я прошел всю войну, честь свою сохранив,
Честь солдата, честь брата и друга.
Никого не предав, никого не забыв,
Сквозь рассветы, дожди и холодные вьюги.
Был любим и любил, но, увы, не срослось.
Виноватых тут нет, все по своему правы.
Слишком многое мне пережить довелось,
И со смертью не раз на равных…»
Миллионы дорог, километры путей,
В кровь истоптаны старые ноги.
Он обычный герой, сам не свой и ничей.
Друг – топор – самый верный из многих.
Вспоминая всё то, что успел совершить,
И всё то, что хотел и не сделал,
Вдруг подумал: «О как же устал я жить!
И рука уж не та, да и волосы белые…»
Вдруг открылась пещера у старой горы,
И тяжелой свинцовой поступью,
Вышел старый дракон, что дремал до поры,
Отмечая свой путь… Искры россыпью.
На траву рядом с воином тяжко присел,
Грустный вздох, вперемешку с пламенем.
– Ох, старик… Ты, смотрю, как и я поседел.
Близко. Близко жизни закатное зарево.
Что ж ты здесь и один? Где твой дом и семья?
Что ж детей не завел? Что ж как ветер-бродяга?
Твои раны и шрамы за всё говорят.
Ты такой же как я, однако.
И ответил старик, взглядом в даль устремясь,
– Нам, дракоша, делить уже нечего.
Солнце светит одно и военная грязь,
Одинаково жизнь нам с тобой покалечила.
Дом, семья – да, могло всё бы быть.

Только силы уж нет для того, чтобы строить.
Ты и я – мы выбрали эту жизнь.
Есть о чем не жалеть и что вспомнить.
Мелкий дождь моросил, поднималась луна,
И вздохнув вдруг дракон промолвил:
– Мдаа… А жизнь то у нас одна.
И слеза навернулась, словно.
– Слышь, старик, я, конечно, не бог и не царь.
И пещера моя на хоромы не тянет,
Но от ветра укроет, да и места не жаль.
А вдвоем, может, чуточку легче нам станет.
В слабом отблеске звезд, под слезами дождя,
Удалялись два силуэта.
Ветеран и дракон – два великих вождя,
Две живые легенды.
Два символа этого света.

Варвариос

– Господин, а они всё воюют… сто с лишним лет… И не надоело им… – странный маленький человек, очень похожий на мелкую собачку, сидел на подушке около трона, задумчиво подперев маленькой рукой маленькое морщинистое лицо.

– Пусть воюют… Война – это жизнь… Они будут воевать, пока буду жить я… А я вечен!

– Странная у вас психология, господин… Война это разруха и смерть – разве не так? – Мушрок (так звали нашего маленького человечка) поглядел на своего господина и торопливо отвел глаза.

– Война не без смерти, но война даёт работу оружейникам, кузнецам и многим другим, на войне они научились ценить жизнь и на войне они научились ценить Любовь – всё то, чем так беззаботно разбрасываются они в мирной жизни! Всё то, чего они не ценят и не берегут, когда вокруг мир и покой. Мирная жизнь для них – это болото, в котором они тухнут и деградируют… и я, Варвариос, дал им возможность научиться ценить то, что действительно важно!

Варвариос встал с трона и тяжелой поступью подошел к окну.

– Монументальный мужик… – глядя на него, задумчиво прошептал Мушрок, и столько восхищения было в его шепоте.

Они были вместе столько, сколько он помнил себя.

– Мушрок… А помнишь… Маленькая страна в забытом богами краю… Горсть людишек, которые только и делали, что ели, спали и работали в огороде… Не было ненависти, но и любовь их была такая же – тихая, сонная, ленивая. Любовь лишь ради продолжения их жалкого рода. Фу! Тошнит, когда это вспоминаю! – Варвариос вздрогнул и тихо продолжал:

– Я наслал на их страну драконов, но они пытались приручить их к земледелию! – Варвариос вдруг захохотал… – Идиоты! Дракона нельзя приручить! Я наслал на их троллей. Каменные монстры вообще не знали что такое жалость, но люди целыми толпами стали собираться, чтобы дать отпор им. Но и тогда они продолжали свою никчемную мирную жизнь. И тогда я отправил к ним свою дочь, свою Немезиду… Она мастер интриг и всяких пакостей. У неё всё получилось, их протухший, гнилой мир рухнул! Мир треснул пополам. И началась война. Кровопролитная. Жестокая. Но, смотри, каких героев она дала, какие чувства, какие эмоции! Сколько баллад и поэм они написали в перерывах между боями! Вот это настоящая жизнь. Жизнь достойная воинов!

Голос Варвариоса звучал то тихо, то почти срывался на крик. Словно он произносил речь перед трибунами. Мушрок то дремал, то подскакивал у подножия трона.

– Господин, а ты сам-то помнишь, кто ты и откуда ты? И кто я? – Мушрок хитро улыбнулся…

По правде говоря, сам он всегда помнил Варвариоса таким, какой он и сейчас – могучий, огромный, с невероятно огромными рогами и он всегда подозревал, что в сапогах прячутся копыта, а в штанах хвост, но никогда этого не видел. Каменный торс Варвариоса всегда был обнажён, и только в самые суровые холода он одевал накидку из меха неизвестного зверя. А себя Мушрок так и помнил – маленький, волосатый… И всегда при своем господине.

– Хотел бы забыть, Мушрок, очень хотел бы забыть. Но я помню всё.

Варвариос так и стоял у окна, скрестив руки на груди, стоял и смотрел вниз. Там, внизу шла война – жизнь такая, какую он создал сам. Его замок стоял на вершине самой высокой горы, с которой как на ладони было видно всё: и столицы двух враждующих народов, и пещеры драконов, и замки. Мир, который он создал сам. Люди, там внизу, они ненавидели его, но и не представляли жизнь без него, без Варвариоса. Иногда кто-нибудь из лидеров обращался к нему за помощью, советом, просьбой. И Варвариос не отказывал, помогал. Но каж-

дый раз после ухода людей ему хотелось вымыться. Смыть с себя их запах, проблемы. Чтобы ничего, ничего не напоминало о той, другой жизни.

– Варварка, ты любишь меня?

Молодой юноша держал девушку за руку и смотрел в её зелёные большие глаза. Молодые люди из небольшого племени. Где-то там, на краю мира…

Жили тихо, мирно. Никого не трогали, ни во что не ввязывались. Может, где-то и была другая жизнь, но им ничего не было известно об этом.

Но сегодня вечером в его дом постучала она – старуха в боевых доспехах. Это выглядело невероятно, разум отказывался принимать это. Старая, очень-очень старая. И только чудом её тело всё еще держало доспехи. А может быть, доспехи держали тело?

– Кто ты? Откуда? – Спросил Варвариос.

– Издалека… Там, где идет война. Тысячи лет. Я устала и я хочу домой… – голос старухи звучал тихо и размеренно. Словно заклинание повторяла она: «Я хочу домой…»

– Так иди домой. В чем же дело? Где твой дом?

Варвариос смотрел и не понимал, что происходит – словно туман накрыл дом и всё вокруг.

– Я не помню, где мой дом. Это было очень давно. Я была молода, красива и я любила. Но моя любовь была отвергнута. А вечером в мой дом постучал старик – воин. А потом… Потом я оказалась на войне. Война людей. Война богов. Менялись идолы. Менялись понятия. Одни боги уходили и им на смену приходили другие. Пришел и мой черед уйти, но я не могу уйти, не оставив замену… – на этих словах старуха, казалось, заснула.

Варвариос взял старушку на руки и занес в дом. Положил её на большом сундуке, накрыл одеялом и тихо вышел. Он спешил на свидание, к ней, к своей Варварке.

– Варварка, ты любишь меня? – спросил Варвариос – сердце бешено билось в ожидании ответа.

– Прости… я… не… я не люблю тебя… – тихо сказала девушка и пошла прочь.

– Нееееет! – крик Варвариоса разорвал тишину ночи. – Я ненавижу этот мир! Я ненавижу этих людей! Я проклинаю день, когда узнал, что такое любовь! Я не хочу жить среди людей! Я не хочу жить на этой земле…

– А где бы ты хотел жить? Кем бы ты хотел быть? Как бы ты хотел жить? – перед ним стояла та самая старуха.

– Высоко, но не на небе, чтобы сверху смотреть, как стареют и умирают эти люди. Я не хочу быть человеком, но и зверем быть не хочу. И я хочу жить один. Вернее нет, пожалуй, ещё мой верный пёс Мушрок. Он никогда не придаст. И я хочу жить… вечно!

Последние слова Варвариос уже прокричал, срывая голос.

– Я могу вернуть её и ты забудешь всё, что здесь было, – тихо проговорила старуха.

– Нет! Мне не нужна любовь по принуждению. Даже если я ничего этого не буду помнить.

– Да будет так! – произнесла старуха, – да будет так! И… спасибо тебе – ты освободил меня и я могу идти домой – теперь я знаю, где мой дом.

С этими словами старуха превратилась в туман и растаяла.

– Если когда-нибудь устанешь, захочешь уйти, просто найди себе замену, как я нашла тебя, как когда-то меня нашел старик-воин… – донеслось с небес.

И грянул гром. И небо взорвалось молниями. Варвариос почувствовал невероятный прилив сил, словно разрывая тело, силы ворвались в него диким зверем. Голову разрывало от боли. И то ли крик, то ли рёв, то ли вой вырвался из глотки Варвариоса. Мир взорвался. И наступила тишина. Варвариос провалился в спасительное беспамятство.

А очнулся уже здесь, в этом замке. На вершине высокой скалы. Рядом на кровати сидел маленький человечек, и он был ну очень похож на верного пса Варвариоса – Мушрока.

С тех пор прошло больше сотни лет и, кто знает, может когда-нибудь Варвариос и захочет уйти и тогда, спустившись на землю найдет какую-нибудь отчаявшуюся душу и передаст свой пост.

Может быть. Но пока его время не пришло. А я почему-то думаю, что его время настанет тогда, когда воспоминания перестанут приносить боль. Вот как-то вот так.

Из замка, с высоты, сквозь веренищу дней…
Варвариос взирает величаво…
Идет война машин, людей, зверей…
Война, где нет конца и нет начала…

Ваалфегор

Ваалфегооор! Гремит из поднебесья.
И грозный демон, сея смерть и страх,
Под звуки страшной и кровавой песни,
Создал реальный мир на наших снах.

Безжизнен взор и ледяные губы,
Рукой холодной душу заберет,
Победе новой заиграют трубы,
Оскалится в улыбке и пойдет.

За новой жертвой, вырывая сердце,
И раздирая тело на куски.
Он может всё, но никуда не деться,
От мертвой поглощающей тоски.

А ведь как все любил и был любимым,
В угаре пьяном проклинал любовь.
И вот он демон, ветром злым гонимый,
По венам ртуть течет – исчезла кровь.

Ваалфегор! Захлопнулась ловушка.
Огромные глаза и бархат губ,
Пред ним простая смертная девчушка,
Она не слышит погребальных труб.

И маленькой ладонью гладит зверя,
Наивная! Ты хочешь приручить,
Того, кто ни во что уже не верит.
Того, кто просто не умеет жить.

Воин-смерть

Взмах. Удар. И быстрый поворот.
В прорезь шлема взгляд врага напротив.
По глазам соленый пот течет,
Несколько ударов в развороте.
Снова бой, такой же как и все,
Намертво с ареною повенчан.
Утро – босиком да по росе.
Вечер – одиночество и свечи.

А перед глазами лишь она,
Девушка с улыбкою мадонны.
Бесконечно искренне нежна,
Взгляд глубокий, чистый и бездонный.
Их свела судьба однажды летом,
Трудный бой и кровь ручьем из раны.
– Слава Богу! Сердце не задето.
Прошептал девичий голос пряный.
Словно через пелену сознания,
Видел ангела с красивыми глазами,
Теплое и нежное дыханье.
– Он очнулся! И он снова с нами.
И война вдруг обернулась сказкой,
Хрупкой сказкой только для двоих.
Жаркие бои, а в перерывах ласки.
Нежность, страсть. Красивых и живых.

Знали оба – на войне нет правил,
И ценили каждый-каждый миг.
Черный ангел – злой, жестокий парень,
Шел за ними словно тень – впритык.
Ждал момента, чтоб любовь разрушить,
И однажды всё-таки сбылось.
В кровяной и липкой страшной луже,
Счастье хрупкое оборвалось.
Мертвый взгляд, с улыбкою мадонны,
Девушка взирала в небеса.
А из глаз отчаянно бездонных,
Вниз стекала мертвая слеза.
Парень опустился на колени,
И к груди любимую прижал.
И от крика замерла вселенная,
Мир от боли вздрогнул, замолчал.

А потом удар и всё померкло.
Плен. Арена. Меч в руке зажат.

Дикий воин-зверь несется в пекло,
Леденящий душу мертвый взгляд.
Ищет смерть, чтоб там, над облаками,
Вновь соединиться, рядом быть.
С девушкой с бездонными глазами.
Без неё нет смысла жить.
Но, наверно, не настало его время,
Имя Смерть теперь он носит сам.
Шепчет голос сверху: – Милый, верь мне.
Я дождусь. Ты не спеши. Все будем там.

Дар Любви

Гора Царей, что так манила всех,
Не только Славу Воинам давала,
Она Любовью наделяла тех,
Кого там Смерть крылом своим достала.
За ту Любовь не страшно умереть,
Она даст силы – ты воскреснешь снова,
Чтоб о своей Любви кричать и петь,
Из пепла чувств рождаясь вновь и снова!

Говорят, что если дойти до вершины горы Царей и продержаться на ней столько, сколько нужно времени, чтобы произнести признание, в награду даётся древний манускрипт «Дар Любви». И если прочитать этот манускрипт вместе с любимым человеком, то взаимное чувство никогда не покинет эти два любящих сердца.

Это легенда живёт среди варваров и по сей день. И по сей тысячи варваров пытаются покорить гору, не многим довелось стать царём той горы, ибо нужно недюжинное здоровье, чтобы устоять под шквалом ударов. Но даже те, кто погиб, не доходя вершины, воскресали с любовью в сердце. Даже те, кто никогда не верил в Любовь.

Я брела по лесу. Вот уже который день меня одолевали думы. С одной стороны я верила, что он любит меня – с другой стороны, я так боялась потерять его. Так боялась, что однажды наступит день, когда вместо слов – «я люблю тебя», я услышу – «я тебя не люблю».

Краем сознания поняла, что лес вокруг меня изменился… Что-то зловещее появилось в воздухе. Я подняла голову, огляделась… Я стояла прямо перед входом в логово Геррода.

О нём много ходило слухов, легенд. Говорили, что его прокляли за то, что убил двух влюбленных. Говорили, что согласно проклятью, он должен вырывать сердца людей и есть их, чтобы жить вечно. Движимая необъяснимой силой, я вошла в логово. Там, в глубине, в свете всего одного факела полудремало человекоподобное существо. И откуда взялось во мне столько храбрости? Я подошла и негромко кашлянула. Геррод, а это был именно он, вздрогнул, открыл глаза и окинул меня ледяным взглядом:

– Хм… ты хоть знаешь, кто я и куда ты пришла? – тихо, шипя, произнёс он.

– Знаю. Я знаю всё о тебе.

– И тебе не страшно? – в его голосе послышалось удивление.

– Страшно. Но страх потерять любимого человека гораздо сильнее. Позволь задать тебе всего один вопрос.

– Задавай… – как-то очень спокойно ответил Геррод.

– В чем секрет твоего бессмертия? – тихо спросила я.

– Ты думаешь, что бессмертие это дар? – вдруг закричал Геррод, – это проклятие! И я тысячи раз хотел сдохнуть. Но живу. Жизнь в наказание. Зачем тебе это?

– Не кричи. Не я тебя прокляла. – И я рассказала ему всё. Про любимого, про гору царей и про дар любви.

– Мне не нужно бессмертие без любимого. Мне нужно выжить на той горе и получить Дар – вот и всё, что мне нужно.

Геррод задумчиво смотрел на меня пару минут. Потом встал и пошел вглубь логова. Я осталась стоять и не знала, что делать дальше. Через какое-то время Геррод вернулся, держа в руке свиток.

– На, возьми, надеюсь, тебе это поможет. А теперь уходи. Уходи! Беги отсюда! Пока я не вырвал твоё сердце.

Я кинулась прочь из логова. Вечером, как обычно, поужинав с любимым, я убрала со стола посуду и стала собираться на гору.

– Девочка моя, куда ты собираешься? – спросил он.

– Я… я скоро вернусь, не волнуйся, дорогой.

– Я лягу, отдохну. Устал очень сегодня, – сказал мой милый.

– Да, конечно, – поцеловав его на прощание, я вышла из дома.

К горе со всех сторон тянулись воины: мужчины, женщины, почти дети. Каждый хотел испытать себя. Каждый хотел хоть на мгновение ощутить великую силу любви. Я поправила своё хлипкое снаряжение, потрогала свиток, что лежал за пазухой.

«Просто разверни его, когда это будет действительно нужно» – крикнул мне тогда вдогонку Геррод.

Последние секунды…
Три…
Два…
Один…
Иши понеслась…
Всё завертелось, закрутилось.
Уворот.
Щит.
Снова уворот.

Я видела, как рядом падали более сильные воины, но всё ближе и ближе становилась заветная вершина. И тут, не увернувшись от нового удара, почувствовала, как земля уходит из под ног. Из последних сил рванула из-за пазухи свиток, разворачивая его. И почувствовала себя вмиг бессмертной. И побежала, как не бегала никогда в жизни. Вот она, та самая главная вершина. Я остановилась на мгновение.

– Любимый, я здесь! Я дошла! Я так люблю тебя! Я люблю тебя! – Закричала я.

И мир погрузился во тьму.

Очнулась у подножия горы. Стояла глубокая ночь. В голове вихрем пронеслись события последних часов. Я бросилась со всех ног домой.

– Ты где пропала? Я волновался. Что случилось? – любимый ждал меня у дверей дома.

– Я люблю тебя! И мы никогда, слышишь, никогда не расстанемся! – захлёбываясь слезами, проговорила я.

– И я тебя люблю, – улыбаясь, произнес любимый, – так, может, расскажешь, где ты была?

– Вот… – срывающимся от волнения голосом, произнесла я, протягивая свиток.

– Что это? – удивленно спросил он.

– Посмотри сам.

Мифический, новый «Дар Любви».

Свиток [прочитать]

Пятигранник

Пятигранник каменной арены,
Мертвый холод, каменные стены,
Страх и ярость растекаются по венам,
Но я должен выжить непременно.
Память возвращает меня к дому,
Там моя жена, мой сын и братья.
И к Берсерку – другу боевому,
С кем пришлось плечом к плечу сражаться.
Было нас четыре легиона,
Славно в дальних землях мы сражались,
А потом забвенья темный омут.
Черт, а здесь мы как же оказались?
Память снова выдала картинки,
Утро сонное, попали мы в засаду,
Воины, как тени, невидимки,
Бой тяжелый, только жизнь в награду.
Жизнь. Очнулся в полной тишине.
Друг мой без сознания, но дышит.
Мы в глубоком каменном мешке,
Вой, кричи – никто нас не услышит.
Снова провалился в тяжкий сон.
Мы в плену – сказало мне сознание,
Друг и я – вот весь наш легион.
Так попали в школу выживания.
Нас кормили словно на убой,
Тренировки, тренировки, тренировки.
И мы знали – впереди нелегкий бой.
Победит лишь самый сильный, ловкий.
Нужно выжить десять раз подряд,
Пять бойцов, соперников достойных.
Нервы в предвкушении звенят,
Руки не дрожат, и взгляд спокойный.
Накануне боя друг сказал:
– Брат, мы вместе вынесли немало.
Ты домой вернуться обещал,
Вспомни, как жена твоя рыдала.
А меня давно никто не ждет,
И коль мы в одном бою с тобой сойдемся,
Обещай, что ты забудешь всё,
Победишь, домой к семье вернешься.
Слезы по щекам мужчин текли,
Слезы горечи, отчаянья, печали.
Выжить сможет только лишь один,
Плакали друзья и не скрывали.
И в холодном каменном мешке,

Где обрывки памяти кружились,
Покорившись своей злой судьбе,
Братья в сон тяжелый провалились.
Лязгнули тяжелые решетки,
Пробил час. Сегодня всё решится.
Мой топор в руке, на миг короткий,
Даже сердце перестало биться.
Пятигранник каменной арены,
Мертвый холод, каменные стены,
Страх и ярость растекаются по венам…
– Брат! Ты должен выжить непременно!
Ненавистный голос полководца:
– Бой до смерти! Раненных не будет!
Тот, кто победит, домой вернется.
Но пока вы мясо, а не люди!
Замерли трибуны в ожидании,
Только стук сердц, отсчет обратный.
Жизнь за смерть – награда? Наказание?
Поворот судьбы невероятный?
Пятигранник каменной арены,
Пять бойцов. Тяжелый запах крови.
– Я вернусь, родная! Непременно!
Первый бой. И первый приступ боли.
Бой второй. И третий. И четвертый.
– Я живой, любимая! Ты слышишь?!
Пятый бой, шестой, я знаю твердо,
Прочь сомнения, иначе мне не выжить.
Рев трибун, от крови скользкий пол,
Бой последний – первый шаг к свободе,
Как судьбы жестокий приговор —
Друг мой, брат мой у стены напротив.
И мы встали с ним спина к спине,
Как давно, когда-то в прошлой жизни.
Ну за что? За что всё это мне?
Поворот случайности капризной.
Как в тумане шел последний бой,
Всё смешалось —
лица, руки, стены.
Холод по спине прошел волной.
Я один.
Живой.
Среди арены.
Друг и брат у ног моих лежал.
Жизнью он открыл мне дверь к свободе,
Бросился к нему, он не дышал.
Взгляд его спокоен и холоден.
Таковы превратности судьбы,
Сквозь обрывки помутненного сознания,
Слышен рев – то трубы пели гимн,

В честь героя битвы выживания.
– Ты теперь свободен! Уходи!
Жизнь за смерть – моя цена на волю.
Сердце вырывалось из груди,
Каждый вздох пронзая тело болью,
Долог и тяжел был путь домой,
Где ждала любимая, родная.
Но навечно в памяти со мной
Проклятая школа выживания.

Одна на всех беда

Когда-то, очень давно, сюда ударила молния, словно разделяя варварский мир напополам. Молния была такой силы, что в земле обрадовалась глубокая трещина. И началась война между Севером и Югом. Трещину завалили камнями и засыпали землей, а война продолжается и по сей день. И ни одна из сторон не хочет уступать.

Весь варварский мир пропитался кровью. Земля, горы и даже деревья приобрели бурокрасный оттенок. Кровь впитывалась в землю, стекала по тонким трещинкам, как по венам, всё насыщая и насыщая её. И вот уже крови было пролито так много, что тонкие потоки достигли самого дна ущелья, с которого и началась война. ОНО проснулось. Оно чувствовало запах крови, но было ещё слишком слабо, чтобы двигаться, чтобы действовать, и тем более, чтобы вырваться наружу из этого плена.

«Кровь… кровь… больше крови…» проносилось в его голове, и кровь, словно повинуясь приказу, ускоряла бег по трещинам-венам. Оно тяжело вздохнуло, и дрожь побежала по всей варварской земле, сотрясая горы, замки, деревья и маленькие хижины.

Мальчишка убежал от своего старшего брата, который грозил его выпороть. Брат был хорошим воином, но воспитатель из него был так себе, кроме ремня других средств не знал, а зад мальчишки был категорически против таких методов. И поэтому сегодня мальчишка просто сбежал. Он залез на высокое дерево за деревней, где у него было оборудовано убежище – именно для подобных случаев. Свернувшись клубочком на настиле из досок, мальчишка дремал.

Вдруг дерево задрожало, и хлипкое убежище стало рассыпаться и разваливаться. Мальчишка вцепился в толстую ветку дерева и испуганно стал озираться по сторонам. Со стороны Пепельной Пустыни приближалось большое облако. Оно росло на глазах, и вот уже мальчишка стал отчетливо различать силуэты зверей.

Стражник верхом на мантикоре, драконы, тролли, великаны. Всё это сборище быстро приближалось к деревне мальчишки, снося всё на своём пути. Глаза мальчика расширились от ужаса – звери так-же молча вошли в деревню и хижины затрещали, как карточные домики от дуновения ветерка. Через пару минут с деревней было покончено. Молчаливое стадо сделало разворот и снова растворилось в просторах Пепельной Пустыни.

Первая капелька крови достигла своей цели. Оно встрепенулось и жадно повело носом. Капелька крови упала на губы. Оно жадно слизнуло её языком, и новая волна дрожи побежала по земле. «Крооооовь… еще крови… ещёёоо…»

Тырим, глубоко задумавшись, сидел в кресле. Непонятные события последних дней напрягали. Тырим почти не спал несколько дней. Странные вести доносились со всех концов страны. Вчера его группа не смогла убить никого из зверей – при входе в пещеру люди словно впадали в транс, а потом воины начинали ругаться между собой, забыв, зачем они сюда пришли, а великаны тем временем их били с чудовищной силой. Пришлось выводить группу из долины. То же самое произошло и в пещере тролля и в Храме Немезиды. Само собой, что о Зодиаке и Святилище даже и думать не стали. А ночью к Тыриму доставили мальчишку, который захлёбываясь слезами, рассказал, что его деревню уничтожило стадо зверей. Да, было над чем подумать, но Тырим не ног найти ни одного логического объяснения происходящему.

– Милый, не помешаю? – Лара села на спинку кресла.

– Разве ты можешь помешать? – Тырим обхватил жену за талию и посадил себе на колени, – ты же у меня умница, скажи, что за чертовщина происходит в стране? Ведь должно же быть объяснение всему этому. Я воин и привык к открытому честному бою, а эта вся муть выходит за рамки моего понимания, – Тырим говорил и гладил девушку по её длинным, чёрным, как ночь, волосам. Такая хрупкая, на первый взгляд, женщина была известна стальной волей и, как говорили, обладала даром медиума и ясновидящей.

– Милый, когда беда подступает близко к порогу, или когда происходят необъяснимые вещи, из глубины веков нам на помощь приходят легенды, предания, сказания и пророчества. Вот и я всю ночь, коли уж ты спал тут, в кресле, изучала старинные рукописи и манускрипты. И знаешь, что я нашла?

– И что же? – Тырим напрягся в волнении.

– Ты знаешь же, с чего началась война Севера и Юга. Знаешь, почему звери оказались в пещерах. Знаешь про молнию, что расколола небо и землю. Но в одной рукописи я нашла вот что, – Лара достала старый пергамент и начала читать, – огромное ущелье разделило Север и Юг. В трещину в земле провалились люди, животные, звери. Всё превратилось в кровавое месиво. Части тел перемешались и жуткое видение предстало перед народом – кроваво-красное чудовище с двенадцатью головами, телом дракона, лапами собак, каменной броней и верхом на этом чудовище женщина. Видение продолжалось мгновение, и потом красный туман исчез в глубинах трещины. Тогда старик Мон велел засыпать эту трещину и долго-долго читал заклинания, запечатывая землю, чтобы зло, никогда не вышло наружу. Лара закончила читать и внимательно посмотрела на мужа.

– Потом я перечитала еще кучу документов. В одном из них говорится о чудовище – порождении зла и крови. Старики дали ему имя WickedBlood, что означает злая кровь. Это существо способно управлять зверями силой мысли. И хотя всё это только легенды, но в связи с последними событиями, я склонна думать, что на нас надвигается беда, само зло.

На Битву Героев сегодня собралось очень много народу. Воины предвкушали хороший бой, а яркое солнце посылало хорошее настроение.

Обратный отсчет: 5… 4… 3… 2… 1…

Земля задрожала под ногами более двух тысяч воинов.

Первые капли крови упали на землю, затем ещё и ещё и ещё. Капельки превратились в ручеёк, который набирал силу, и к концу битвы кровь уже хлюпала под ногами выживших воинов. Кровь медленно впитывалась в землю и по трещинам-венам устремлялась туда, в глубину, повинуясь зловещему зову. С каждой каплей крови чудовище ощущало, как силы прибывают в его страшном теле. «Ещё… ещё крови…» требовало существо, и кровь ручейками вливалась в его тело, которое как губка впитывало живительные потоки. И росло, увеличивалось с поразительной скоростью. От каждого движения, вздоха земля дрожала и вздымалась вокруг него. Высоко над поверхностью на этом месте появился сначала небольшой холм, который рос по мере роста чудовища. Земля на холме покрылась трещинами. Старики, глядя на это диковинное зрелище говорили, что это похоже на яйцо перед рождением дракона. Иногда холм словно издавал вздох и над землей распространялся пряный запах крови. Страх сковывал людей. И всё понимали – надвигается нечто страшное.

Андриас смотрел в окно. Там, внизу его войска готовились к новой большой битве за территории. Смутное беспокойство владело им последние дни. Со всех сторон приходили известия о странном нападении зверей на мелкие селения варваров. Очевидцев в живых не оставалось, только печные трубы и разбитые жилища были немыми свидетелями страшных событий.

Вчера Андриас явился на экстренно собранный совет старейшин. Целый вечер они до хрипоты спорили, обсуждали. Потом один из старейшин по имени Искатель вдруг вспом-

нил, что где-то далеко в полном одиночестве живет некий старец Мон. Сколько ему лет, не знал никто, но все в один голос утверждали, что если кто и может помочь разобраться во всей этой чертовщине, то только он. Андриас отправил воинов к старику, чтобы они привезли его на совет. И теперь с нетерпением ждал их возвращения. До битвы оставалось менее получаса, когда в его покои вошел Искатель. Без предупреждения. Без стука.

– Андриас, я тут всю ночь сидел над одним документом. Там говорится о монстре, который рождается, когда переполнена чаша пролитой крови и злости среди людей. Когда раздор между народами превзошел критическую отметку. Тогда всё живое оборачивается против людей. И люди остаются наедине со своими пороками. И только всеобщее объединение перед лицом общего врага может противостоять этой силе… – Искатель говорил тихо и даже как то грустно.

– Стоп! – перебил его Андриас, – ты предлагаешь мне заключить мир с Тыримом?

Грозный голос великого полководца взвился под своды комнаты.

– Ты хочешь, чтобы я пошел к нему с поклоном, прося мира?! – Андриас захохотал и продолжал уже более спокойно, – старик, возможно и есть доля правды в твоих рукописях, но не родился еще такой зверь, которого я бы не смог убить!

– А я слышал, что сегодня ты даже мифического дракона не убил, – хитро улыбнулся Искатель.

– Я просто задумался ненадолго, а когда очнулся, то только и оставалось, что покинуть пещеру, – раздраженно произнес Андриас, – случайность, с кем не бывает.

– Ну да, и то правда, с кем не бывает, – все так же тихо и, улыбаясь, сказал Искатель, – только будь я на твоем месте, я бы отказался от сегодняшней битвы и сел за стол переговоров с южными лидерами.

С этими словами Искатель покинул покои упрямого полководца.

– После битвы я подумаю над твоими словами! – вслед крикнул Андриас, но Искатель уже не слышал его.

Тырим стоял, опираясь на Коготь. Поле битвы знакомое и, казалось, уже изученное до последней травинки, изменилось – прямо посередине возвышался холм. Откуда он взялся за столь короткое время – не знал никто. И сейчас Тырим прокручивал все возможные варианты его появления. Первой мыслью было, что это тактическая хитрость Андриаса – давнего и самого основного противника. Но пришлось отказаться от этой мысли – разведка бы не смогла не заметить большого количества людей.

– Лара! – позвал жену Тырим.

– Да, дорогой, – девушка, словно тень, уже стояла рядом с мужем.

– Как ты можешь объяснить это? – Тырим показал на холм.

– Может, какое то движение земных пластов? Рядом горы. Всё возможно. Недаром же земля дрожала последние дни, – девушка пожала плечами.

– Я хочу, чтобы ты сегодня осталась дома. Ну или по крайней мере не лезла бы в бой, – ласково обняв жену за талию, Тырим наклонился и поцеловал её в шею.

– Я, конечно, категорически против, но если ты настаиваешь, то я подчиняюсь, любимый, – девушка повернулась, поцеловала мужа и пошла прочь с поля битвы:

– Береги себя! – послав воздушный поцелуй, сказала Лара.

– К бою готовьсь! Ряды сомкнуть! Заходи справа от холма! Не разделяться! – Тырим отдавал последние команды, а чувство тревоги как снежный ком росло внутри него.

Андриас оглядел своё войско – всё вроде бы было в полном порядке. Странный холм посредине поля раздражал, но ничего уже изменить было нельзя и перенести битву в другое место тоже.

– Заходим все вместе слева от холма! – отдал приказ Андриас. Еще раз осмотрев своё снаряжение, Андриас крепко сжал боевой топор и скомандовал:

– В бой! За Север! Не посрамим отцов и дедов наших!

И войска, плотно сомкнув ряды, двинулись за своим лидером, как это было уже не раз. Только одинокая фигура Искателя осталась стоять неподвижно, с тревогой в голубых и необычайно ярких глазах, наблюдая за надвигающимся сражением. Два великих войска сошлись прямо у подножия странного холма. Началась кровопролитная битва.

Тырим искал в толпе Андриаса. «Вон он!» – краем глаза выхватив из общей массы воинов высокого, монументального лидера северных войск. И орудуя когтем, стал прорубать дорогу к давнему неприятелю. Андриас тоже уже увидел своего врага и тоже устремился к нему через бушующее море битвы.

Вот уже даже видно глаза сквозь прорези шлема. Вот враг уже на расстоянии топора. Взмах… Под ногами хлюпала кровь погибших товарищей и недругов. И в этот миг из странного холма столбом в небо повалил красный дым. В небо взметнулись комья земли и камней. Вершина холма разверзнулась и на поверхность появилась голова. Потом ещё одна… и ещё… Воины, забыв о сражении, во все глаза наблюдали как холма наружу выбирается нечто. Увиденное не укладывалось в голове. Нереальность видения повергла в ужас даже самых бывалых вояк.

– Что за…?! – вскричал Тырим.

– Тырим, только не говори мне, что это твоя карманная собачка! – в ответ ему прокричал Андриас.

Чудовище уже полностью выбралось на поверхность и с высоты холма глядело на маленьких людишек, что с ужасом смотрели, задрав головы вверх.

– Я Злааяя Крооооовь! – проревело чудовище и все его двенадцать голов разразились страшным смехом. Оно сделало первый шаг, и земля содрогнулась от тяжести.

– Оружие к бою! Держать ряды! – в один голос прокричали Тырим и Андриас. И воины севера и юга, воевавшие друг против друга более ста лет, стали плечом к плечу перед общим врагом. Чудовище надвигалось на них, извергая пламя из двенадцати огромных глоток, ударами лап и хвоста круша ряды воинов.

– О, чёрт! – вдруг крикнул один из генералов, показывая назад. Тырим оглянулся и поток отборной ругани полетел над полем – со всех сторон к полю битвы приближались звери, что веками были закрыты в пещерах – драконы, великаны, тролли и даже зодиаки. Впереди чудовище, сзади зверьё, спешащее на зов крови. И посередине войско, уставшее уже от битв и сражений. Отступать некуда. Надежды таяли вместе с быстро убывающей численностью людей. Воины укрывались щитами от огня, метали в чудовище копья и топоры, но оно, казалось, только крепло и росло, питаясь кровью погибших.

– Смотрите! – раздался чей-то крик. Люди обернулись туда, куда показывал один из воинов – с востока приближалась группа людей. Вскоре уже стали различимы лица. Искатель и ещё один старейшина держали под руки высокого старца, его седая борода до пояса развевалась на ветру. За ними следовала группа южных и северных старейшин.

– Вы должны забыть распри и объединиться! – запыхавшись, прокричал старик Мон, когда они уже подошли к лидерам войск.

– Так мы это… как бы уже… – улыбаясь, проговорил Тырим.

– Ну да, я вон даже пару раз его от верной смерти спас, – показывая на Тырима, произнес Андриас.

– Эээй! Злая кровь! Посмотри сюда! – закричал, что было сил, старец Мон. И чудовище, услышав его, повернуло все свои головы на старика.

– Однажды я уже запечатал тебя и сегодня сделаю это снова! Ибо войны больше не будет! Слышишь ты, уродливое порождение зла? Не будет больше войны! Для выяснения силы нам хватит честных турниров!

С этими словами Мон развернул древние свитки и начал читать заклятия на древневарварском языке. Остальные старейшины последовали его примеру, и нестройный хор голосов запел над полем битвы странную песнь. Воины, не знавшие слов, просто повторяли звуки, и вот уже всё войско, как один голос, пело вслед за старцем слова неведомых старинных заклятий. Наступавшие со всех сторон звери вдруг разом остановились и застыли, словно каменные изваяния. Чудовище бесновалось изо всех своих сил. Столбы огня обрушивались на щиты воинов. Но южный воин прикрывал северного, а северный подал руку упавшему южному воину. И такой дух единства и сплоченности стал разливаться над полем, что чудовище сначала замерло, а потом на глазах тысяч людей стало превращаться в красный туман.

Туман бледнел и становился прозрачнее с каждым словом заклятия. И, наконец, полностью растворился в солнечном небе. Трава прямо на глазах стала зеленеть, скрывая все следы недавнего сражения.

Тырим снял шлем и подошел к старцу:

– Старик… Я… Я даже не знаю, какими словами благодарить тебя, – бывалый воин замолчал, а потом опустился на одно колено перед стариком.

Андриас, глядя, на недавнего врага, а ныне на боевого друга, последовал его примеру. И вслед за своими лидерами все огромное войско преклонило колени перед мудростью веков.

– Всё имеет свойство возвращаться, – медленно начал старик, – когда-то на этом поле положено начало войны между Севером и Югом. И теперь, здесь же, мы положили конец этой войне. Так берегите же мир, дети мои. Берегите мир, и Злая Кровь больше никогда не возродится!

На последних словах старик воткнул в землю витой посох. Два цвета; красный и синий – символы сторон, были крепко переплетены в посохе в затейливый узор.

– Да будет мир! – тихо произнес старик и, взяв под руку Искателя, отправился в обратный путь.

Таверна отмечала победу над злом и единство варварского мира. За большим столом, конец которого уходил в распахнутые двери таверны далеко на улицу, сидели все герои последних событий. Южане и Северяне за одним столом.

И действительно, совсем необязательно проливать человеческую кровь, чтобы доказать превосходство сил. Правда?

Темнокрылый

Взаимная любовь – редкость. Безответная любовь – боль. Это всего лишь очередная сказка. Красивая сказка. Но хеппиэнда не будет.

Двое стояли над пропастью.

– Не боишься? – спросил он.

– С тобой я ничего не боюсь! – ответила она.

– Тогда полетели?

– Полетели!

Он расправил темные крылья. Огромные, красивые, темные крылья. Они закрыли собой небо, луну и её. Взмах и они устремились в небо, лишь темная-темная тень шлейфом следовала за ними…

На темных крыльях воин опустился,
Сказал «Привет» и руку протянул.
За ним зловещий темный свет струился,
Но этот свет её не обманул.
– Как странно… Темный, но какой-то теплый…
И кто ты – ангел или демон мой?
– Я человек, – лишь тихо он промолвил,
Каким придумаешь, таким и буду твой.
– Придумала! Ты будешь нежный демон!
С душою волка, ангела и птицы,
Которому останутся неведомы,
Ограничения, запреты и границы.
И темнокрылый воин улыбался,
Внимая речи той, что была рядом.
И понимал, что добровольно сдался.
Под тем восторженным, наивным взглядом.
Он обучал её всему, что знал и помнил,
Искусству выживать и снаряжаться.
Как боль терпеть упрямо и безмолвно.
Бороться до конца и не сдаваться.
Всё время вместе, ни минуты друг без друга.
Две части целого, что разделить нельзя.
– Ты боевая моя верная подруга.
– Ты мой единственный и я навек твоя.
И воин восхищался ученицей,
Она, как губка впитывала всё,
И словно книгу – страница за страницей,
Читала, изучала мастерство.
Круговорот сражений и турниров,
Арена, башни, звери и поля.
Забыла заповедь – не сотвори себе кумира.
Она жила, его боготворя.
Она росла и крепла и, казалось,
Так будет вечно, только грянул гром.

И маленькая трещина – сначала.
Переросла в большой, большой разлом.
Над новою вершиной, на закате,
Она всецело доверяла лишь ему.
Но он сказал: – Здесь точка невозврата.
И к звёздам путь наверх мне одному.
А дальше молча, взмах огромных крыльев.
И воин устремился к звёздам ввысь.
Её полет окончен. Серой пылью,
Без света без тепла и камнем вниз.

Она лежала на дне пропасти. Не чувствовала тела, не ощущала боли. Она лежала и смотрела туда, наверх…

Там, на краю пропасти стояли двое… Темный воин взмахнул своими большими темными крыльями… Они закрыли небо и луну. И темный шлейф тянулся за ними темной тенью…

Неведомая сила вдруг подхватила её и понесла по воздуху, туда, вслед за ними. И до неё вдруг дошло, что эта серая тень – она! И то ли волчий вой, то ли крик израненной птицы разнесся над пропастью…

Общая беда

Одна страна напополам разделена,
Мир варварский давно огнем объят,
Идет война и жертв уже немерено,
Как много пало молодых ребят.
И доводы разумные не действуют,
И кровь рекой не сдерживает злость,
Война и гнев цветут, прелюбодействуют,
Никто не помнит – а с чего все началось.
А рухнул мир как водится от женщины,
Что братьев двух совсем с ума свела,
И долгий мир распался и дал трещину,
А женщина тогда с другим ушла.
И родилось ужасное проклятие,
Что будут люди воевать всегда,
Покуда злость, рожденная при братьях,
Не победит одна на всех беда.
В войне с годами люди позабыли,
Откуда и с чего все началось,
Но вот однажды с нереальной силой,
Плечом к плечу сражаться довелось.
Ту силу называли Злобной Кровью,
Она из гнева и из крови родилась,
И этот монстр двенадцатиголовный,
Всех варваров прихлопнуть поклялась.
Из недр земли однажды на поверхность,
Средь поля битвы вышло само зло,
Из крови павших черпая бессмертность,
Оно подряд крушить всё начало.
Ломались черепа, трещали шлемы,
Доспехи не спасали от огня,
И воин северный тут руку подал первым,
Солдату южному, войну во всю кляня.
Забыв про все, что долго разделяло,
Что так мешало просто мирно жить,
Стеною войско общее стояло,
Чтобы всем вместе выжить, победить.
И дрогнул враг, в рядах увидев дружбу,
И стало ясно – волю не сломить,
Отряды севера перемещались с южными,
И вместе их никак не победить.
И в Злобной Крови не осталось силы,
Такое вот единство побороть,
В последний раз метнулось и завыло,
В туман вдруг стала превращаться плоть.
А солнце яркое совсем туман убило,

И поле битвы залило теплом,
Стояли воины, теперь уж побратимы,
Гремит «Ура!!!!!» над полем словно гром.
Вот так одна на всех беда сплотила,
Один народ, разделенный войной.
И поняли тогда – в единстве сила.
Неделю продолжался пир горой.

Танцующая в Огне

Тим пришел из университета. Кинул в угол рюкзак, разулся и прошел в комнату. Ужасно болела голова. Сегодня они с Ташей поругались. Из-за мелочи… Вроде бы ничего серьезного, но чувство тяжести не отпускало. Тим взял ноутбук и лёг на кровать. Набрал знакомый адрес, вошёл в игру. Какое-то время смотрел на жёлтый конверт, не решаясь открыть его. Вздохнув, кликнул на значок:

«Я люблю тебя… Но… Нам нужно на какое-то время расстаться, – писала Таша, – Я должна побыть одна… всё обдумать…»

«Хорошо. Я буду ждать. Столько, сколько нужно.» – написал Тим и закрыл ноутбук.

Посмотрел на часы – пора было идти на тренировку по восточным единоборствам. Побросав в рюкзак тренировочное снаряжение, Тим вышел из квартиры.

Улица встретила его мелким дождём. По тротуару под огромным зонтом прогуливался старик с попугаем на плече:

– Молодой человек! – обратился к Тиму старик – Не желаете ли узнать свою судьбу?

– Как? – растерянно спросил Тим.

– Погладь птицу, она вытащит за это предсказание! – глаза старика хитро прищурились. Тим погладил попугая:

– Ну что ты мне скажешь, Нострадамус?

Старик протянул птице открытую коробочку. Попугай наклонил голову, ткнул клювом глубь коробки и вытащил маленький свиток бумаги. Тим развернул свиток.

Когда на сердце мгла падёт,
На землю рухнет небо,
Не забывай, Любовь найдёт
Тебя – где бы ты не был.

И на исходе тёмных дней —
Их будет ровно тридцать —
Любовь, сожжённая в огне,
В огне и возродится.

– Что это значит? – спросил Тим, но рядом уже никого не было.

Пожав плечами, Тим рассеянно шагнул с тротуара на дорогу.

Скрип тормозов. Визг покрышек об асфальт. Глухой удар. Боль. И темнота…

Деревня шумела – сегодня здесь праздновали свадьбу. Молодой воин женился на Тане – самой красивой девушке их деревни. Они ещё весной решили пожениться, но пока шли весенние посевные работы, летняя страда, осенняя уборка – нечего было и думать о свадьбе. И вот теперь, когда урожаи собраны и поля убраны, когда уже всё готово к долгой зиме, пришло их время. И сегодня, наконец-то настал их день.

С самого утра были накрыты столы прямо на главной улице, повсюду слышался смех, песни, поздравления в честь молодых. Но самое главное должно было произойти вечером – ритуальные танцы у костра. Тана слыла знатной танцовщицей. Из далёких краев приходили люди посмотреть, как танцует Тана.

И вот уже солнце опустилось за горы, поздний вечер окутал деревню. Посреди главной площади развели большой костёр. Все незамужние девушки надели самые красивые наряды, стали собираться в хоровод.

– Мой дорогой и любимый муж! Сегодня я буду танцевать только для тебя! – слегка поклонившись, произнесла девушка. Сегодня на ней был ярко-красный костюм из тончайшего шёлка, вышитый золотой нитью и драгоценными камнями. В тёмные волосы девушки были вплетены красные ленточки, отчего волосы в свете костра отдавали красным цветом. Высокая, стройная… Тимур смотрел на неё, не отрывая глаз. Сегодня он был самым счастливым мужчиной на планете, ибо ему выпало счастье обладать таким сокровищем. Девушки медленно начали свой танец… Им в такт вторили звон монист, кто-то играл на флейте. Зрелище завораживало.

Вдруг поднялся сильный ветер, наступила непроглядная тьма и, словно огромная чёрная лавина, на деревню обрушилось невесть откуда взявшееся войско. Молчаливые чёрные всадники жгли, убивали и сокрушали всё на своем пути. Не встретив почти никакого сопротивления, они, спустя очень короткое время, уже были на главной площади. Тимур был не только земледельцем, но и умелым воином, но даже он оказался не готов к подобной молниеносной атаке. Он бился как лев. Как десяток львов! Но силы были явно неравны. Несколько пар крепких рук схватили его, не давая пошевельнуться. Краем глаза он увидел, воины схватили его невесту, как отчаянно сопротивлялась и отбивалась она:

– Таааанаааа! – что было сил, закричал Тимур.

И наступила тишина. Словно неведомая сила вмиг остановила вакханалию убийства. От толпы воинов-убийц отделилась фигура. Это был лидер войска. Он подошел к девушке…

– Красивая. Даже очень. Ты хорошо танцуешь… Любишь его? – главарь кивнул в сторону Тимура.

– Да! – глядя прямо в глаза ответила Тана.

– И сделаешь всё, чтобы он остался жить? – губы главаря искривились в насмешливой улыбке.

– Да! – ответила девушка.

– Ну что-же, будь по твоему. Он будет жить, пока ты будешь танцевать. Как только ты остановишься, он умрёт. И ты тоже. – главарь громко, хрипло засмеялся.

Остальные воины вторили ему. Над догорающей деревней, усеянной трупами её жителей разносился грубый страшный смех.

Тимура привязали к столбу. Убийцы уселись вокруг костра, а Тана начала танцевать. То медленно, то чуть быстрее, то вращаясь в вихре танца, то плавно покачиваясь… И настолько неестественным, нереальным казался этот танец среди смерти… Тимур не отводил глаз от любимой. Слёзы текли по щекам мужчины. А Тана всё кружилась в танце… Сколько времени прошло она не знала. Боль, горечь, отчаяние, и безграничное желание хоть ещё на минуту… ещё на мгновение продлить жизнь любимого. Вдруг кто-то из банды кинул ей под ноги гость тлеющих углей – босые ноги девушки обожгла боль, она вскрикнув подскочила. Убийцам это показалось веселым и со всех сторон под ноги девушки полетели угли…

– Милая моя… Любимая… – шептал Тимур, и слезы бессилия застилали глаза.

– Не плачь, любимый. Я всегда буду рядом. В каждой искре, в каждом самом маленьком огоньке – я буду с тобой…

Одежда на теле девушки тлела и загоралась. И вот уже маленькие язычки пламени начали облизывать тело девушки. Но она продолжала танцевать, молча, сжав губы. Девушка танцевала свой танец смерти. И вот уже вся её фигура объята пламенем, но неведомая сила ещё держала её на ногах.

– Нееееет! – прокричал Тимур, – изверги! Убейте меня! Я не могу больше этого видеть! – один из убийц подошел и наотмашь ударил его обухом боевого топора по голове. Последнее, что увидел и почувствовал Тимур, было догорающее тело его любимой и страшный запах горящей плоти. Мир потух.

Тимур открыл глаза. Он лежал на земле. На его груди сидел большой чёрный ворон и смотрел своими глазами-бусинками. Тимур попытался пошевелить рукой – удалось. Боль пронзила тело, но собрав всю силу, Тимур поднял руку и замахнулся на птицу. Ворон с хриплым криком взлетел и устроился на столбе, на котором ещё не так давно висел Тимур. Не так давно? Сколько прошло времени? Трудно было определить время – стояла кромешная тьма. Тимур попытался подняться, через невероятную боль он сел и огляделся вокруг. Убийц не было. Тела девушки не было. От деревни не осталось ни дома, ни одного человека.

– Нееееееет! – закричал Тимур, и столько боли было в этом крике, что небо не выдержало. Грянул гром и с неба начали падать крупные капли, они разбивались о землю, поднимая вверх пепел. И пошёл дождь. Чёрный дождь. Словно небо упало на землю. Молния ударила в обломок меча, десятки искр взметнулись в разные стороны, и каждая искорка приняла облик танцующей девушки в красном. Тимур смотрел, не веря своим глазам.

– Я всегда буду рядом, любимый… в каждой искорке… везде, где есть огонь… – словно отголосок эха донеслось до слуха юноши. Видение продолжалось мгновение, порыв ветра, капли дождя и всё исчезло.

– Сынок, ты живой что-ль? – донесся до Тимура чей то голос. Он повернул голову – над ним стоял старик настолько древний, что, казалось, вся история мира отражалась на его лице.

– Лучше бы я умер… – ответил Тимур.

– Не говори так! Если ты остался жив, значит, небесам так было угодно и твой путь на земле не закончился! – глядя куда то вдаль, прошептал старик.

– Угодно небесам? И этим же небесам угодно, чтобы умерла моя любовь? Чтобы погибли невинные люди?! Да будь прокляты такие небеса! – голос юноши дрожал, слёзы стояли в его глазах.

– Не гневи Богов, сынок. Испытания не даются тем, кто не сможет их преодолеть. Лучше послушай, что скажу. Говорят, где то далеко-далеко есть замок, в котором никогда не гаснет огонь. Этот огонь подпитывают драконы. Раз в месяц они собираются там и извергают живительное пламя, которое не гаснет до следующего их прихода. Паломники со всего света приходят туда вот уже много веков.

– Замок. Драконы. Живой огонь… Старик! Ты сошел с ума! – закричал Тимур. – Неужели ты веришь в эти сказки?

– Не важно, во что верю я. Главное, во что веришь ты, мой мальчик. Только это имеет значение. Стены того замка исписаны на разных языках, – продолжал старик, – заклятья, предсказания. Одно из них гласит:

Когда на сердце мгла падёт,
На землю рухнет небо,
Не забывай, Любовь найдёт
Тебя – где бы ты не был.

И на исходе тёмных дней —
Их будет ровно тридцать —
Любовь, сожжённая в огне,
В огне и возродится.

– Здесь ты уже ничего не найдешь, но может быть, там – на вершине отчаянья, ты найдёшь, что нужно именно тебе.

– И что же значат эти слова?

– Поспеши! До схода драконов ровно 30 дней.

– Куда хоть идти? Растерянно спросил Тимур.

– На Север! Иди на Север… – ответил старик и исчез в темноте чёрного дождя. Не веря в сказки, но чтобы хоть как-то прийти в себя, Тимур отправился в путь.

Да простит меня читатель, что опускаю все подробности дальней дороги, но не хочу утомлять вас и без того длинным рассказом.

В один из дней выйдя на опушку леса, Тимур остановился на вершине холма – внизу горела деревня. Среди горстки её жителей выделялись воины в чёрных одеждах. Кровь ударила в голову юноши «Тана!» Промелькнуло в сознании. Не разбирая дороги, он бросился вниз по холму. В свете пламени Тимур увидел знакомую фигуру – Чёрный Лидер. Он стоял на возвышении в центре деревни и с усмешкой наблюдал, как его воины добивали жителей. Ярость, злость и боль свежих воспоминаний смешались в юноше. И хотя понимал, что один не сможет победить убийц, остановиться уже не мог. Удары сыпались со всех сторон, но он не чувствовал боли. Чёрный Лидер увидел юношу. На какой-то миг замер в изумлении, но вот его лицо исказила злая насмешка. Узнал.

– Ты ещё жив, жених-неудачник? Знаешь, я даже рад тебя видеть – в этой деревне почти не было настоящих воинов, даже неинтересно!

– Я убью тебя! – прокричал Тимур.

– Ой, не смеши! Ты, правда, думаешь, что сможешь один убить всех нас? – Черный Лидер обвел рукой свою банду.

– А он не один, – раздался спокойный голос, – с ним буду я. И пока я буду танцевать, он не умрет. А я теперь могу танцевать вечно!

Из пылающего дома вышла девушка в красных шелковых одеждах. Великолепный свадебный наряд… И только огненный меч в руке девушки говорил о том, что собралась она отнюдь не на праздник.

– Тана! – Тимур кинулся к ней, но отпрянул. Вокруг девушки полыхало пламя, языки огня ласкали тело девушки, но она не ощущала боли.

– Я… Я же убил тебя! – закричал Чёрный Лидер.

– Ты убил моё тело, но моя душа жива, как видишь! Ну что… Потанцуем? – улыбаясь, спросила девушка и в тот же миг взмахнула рукой, словно разрезая воздух. И несколько воинов упали замертво, сражённые огненным мечом. Чёрный Лидер кинулся на девушку, взмахнул мечом, рассекая её пополам, но… раздался смешок и вот уже две свершено одинаковые девушки закружились в огненном танце. И чем больше махали своими мечами убийцы, тем больше становилось огненных девушек. Воины падали один за другим, охваченные пламенем. Вот упал и сам Чёрный Лидер…

– Ну что, тебе понравился мой танец? – всё так-же спокойно улыбаясь, спросила Тана.

– Да! Ты великолепна! Пощади! – прохрипел лидер убийц.

– А кого пощадил ты? Стариков? Детей? Женщин? Нет. Твой путь на этой земле окончен.

Огненные девушки склонились над убийцей, образовав огромный костёр. Ярко-красное пламя взвивалось до небес, а наверху, сквозь отблески костра улыбалась Тана.

– Ты знаешь, куда нужно идти и что нужно сделать, – сказала девушка. Костер догорал. Последние искорки блеснули и исчезли.

Тимур стряхнул оцепенение. Стояла полная тишина. И только трупы убийц и их лидера говорило о том, что это ему не привиделось.

– Я найду тебя, моя любимая. Найду, где бы ты ни была, – прошептал юноша.

И Тимур снова отправился в путь.

На исходе 29 дня пути, пройдя чёрт знает какой по счету, дремучий лес, юноше открылась потрясающая картина – крутая тропа уходила далеко в горы. На вершине горы стоял белоснежный замок – «Замок На Вершине Отчаянья» – не спрашивая названия, догадался Тимур. Со всех сторон к замку шли величественные драконы, не обращая внимания на людей. Тимур двинулся вверх по тропе.

Войдя в ворота замка, юноша влился в огромный людской поток. Все молчали. Река из людей направлялась к центральной площади. Там, в середине, находился большой алтарь. Драконы подходили один за другим и извергали пламя в центр алтаря. И вот последний дракон внёс свою пламенную лепту и в небо взметнулся столб огня. И в этом огне вдруг стали различимы силуэты самых разных людей – дети, женщины, воины. Тимур смотрел, не отрывая глаз. И вдруг в огне он увидел её – свою Тану – она плавно кружилась в танце.

– Тана! Я иду к тебе! – воскликнул Тимур. И ни секунды не задумываясь, шагнул в огонь. Но странно… он не почувствовал боли. Взяв девушку за руку, притянул к себе, обнял, подхватил на руки. Да, это была она, его Тана.

– Пойдём домой, моя любимая, моя жена, – сказал Тимур и вынес её из огня.

Свет пробивался сквозь веки… Тим открыл глаза.

– Он пришел в сознание! – раздался до боли знакомый голос, – вас абсолютно нельзя оставлять одного, молодой человек, – Таша сидела рядом держа его за руку, по щекам текли слёзы, но девушка улыбалась.

– А вы не оставляйте меня, милая леди, – ответил Тим.

– Больше не оставлю, – прошептала девушка, наклоняясь к нему.

Царица

Девчонка-воин из простой семьи,
Обычное лицо, фигура, тело,
С железной волей, с жаждою любви,
Отчаянно царицей быть хотела.
Невинный взгляд скрывал стальной напор,
С улыбкой милой гибель предвещала,
Рука сжимала боевой топор,
А нежной речью разума лишала.
Ни человек, ни зверь не страшен ей,
По жизни шла, не ведая сомнения,
Свободна от условности, цепей,
В копилку собирала достижения.
Мифический Герой – был важный шаг,
Идущий к Славе, дальше – Триумфатор,
Ей, Сокрушителю, не страшен враг,
А в планах Небожитель, Гладиатор.
Но в сердце девичьем, незнающим любви,
Однажды поселилась тень сомнения,
К чему все достиженья и бои,
Когда так хочется любовного пленения.
В который раз отторгнув эту мысль,
Взглянув на руки, перепачканные кровью,
Сказала: – Впереди еще вся жизнь,
Царицей стану и тогда займусь любовью.
Обычный бой, обычный Зодиак,
Всё как всегда, лишь новый мед-наемник,
Холодный взгляд и твердая рука,
И гордый подбородка треугольник.
И чувствует девчонка, из-под ног
Земля уходит, сердце сильно бьется,
Дрожит душа как нежный мотылек,
Вот-вот признанье с алых губ сорвется.
Окончен бой. В смущении горя,
Девчонка к воину направилась несмело,
Сказала тихо: – Я люблю тебя.
А ей в ответ как громом прогремело:
– Наивна и глупа твоя любовь!
Ты не нужна мне. Я люблю другую.
У нас с ней на двоих душа и кровь,
Её одну лелею и балую.
Девичье сердце вспыхнуло огнем,
Слеза невольно тронула ресницы,
Тряхнула головой, сгоняя сон,
Сказала твердо: – Я ли не царица?
Походкой гордой и с прямой спиной,

Вперед, навстречу новым достижениям,
И новые победы, новый бой,
И горький горький привкус поражения.
Гора Царей манила и звала,
Оплот мечтаний варваров суровых,
Девчонка всё что можно в бой взяла,
На миг задумалась: – Готова? Да. Готова.
К моменту этому готовилась года,
В горящем взгляде плещет напряжение,
Дан старт. Девчонка ринулась туда,
Наверх. К вершине. К новым достижениям.
Тяжелый бой. Как свет далеких звезд.
Вершина, пьедестал и трон Царицы.
Но не дрожит рука. Топор как прежде остр,
Упрямо вверх девчонка наша мчится.
Смогла. Сумела. Из последних сил,
Лицом к лицу. Их двое на вершине.
Наемник воин, что её любовь убил,
Её несостоявшийся мужчина.
Смятенья миг, взмах, поворот, удар.
Кровь яркая по топору стекает.
По телу девушки бежит победы жар,
С мечтою вместе сердце застывает.
Сбылось. Свершилось. Долгожданный трон.
Холодный, одинокий трон Царицы.
Рванулся к небу полный боли стон:
– Взлетела раз, чтоб навсегда разбиться!
Цена побед и многих достижений,
Порой бывает слишком высока.
Дай Бог вам всем поменьше поражений,
И чтоб мечты синицею в руках.

Замок Ангелов

Не дается стих, не идут слова,
Мысли бьются, словно отверженные.
В замок снежный ангелов собрала.
Мила, девушка хрупко-нежная.

Высоко в горах, среди облаков,
Куполами он к солнцу тянется,
Белоснежный дворец без оград и оков,
Кто туда придет – там останется.

Речка горная задала вопрос:
– И откуда здесь столько ангелов?
Ветер горный Милы ответ принес:
– Быть душою свободным – их правило.

Эдельвейс с вершины горной спросил:
– И откуда здесь столько ангелов?
Словно эхом голос её огласил:
– Быть свободным сердцем – их правило.

Снег холодный с горных вершин спросил:
– И откуда здесь столько ангелов?
Голос Милы ручьем звонким огласил:
– Быть от правил свободным – их правило.

Только тихо ель на вершине горы,
Прошептала, качая ветками,
– Все они людьми были до поры,
С красной кровью, с живыми клетками.

Каждый ей о любви своей говорил,
Каждый ангел дарил ей признания,
Лед холодный их в ангелов превратил,
Слишком снежное обаяние.

И летят на землю, роняя грусть,
Их слезинки – застывшие зернышки.
Они сами себе этот выбрали путь,
Их одежда – снежинки-перышки.

Гравёр

Часть 1

– Иииггааан! Обедать! – Молодая женщина стояла на крыльце дома, и как видимо, звала своего сына.

– Мам! Смотри, что мне легендарный дракон дал! – Иган вынырнул, словно из ниоткуда. Он бежал, зажав в руке настоящее боевое копьё. Красивый мальчишка с тёмными волосами и тёмными глазами.

– Поздравляю! Хватит тебе уже махать деревянным мечом. Как же ты похож на своего отца… – улыбнувшись, мама обняла сына и вместе они прошли внутрь дома. За столом в горнице сидел отец. Он ел не спеша, размеренно, и явно о чём-то думал.

– Садись, ешь, всё остыло. Мать тебя уже раз пять кричала. Носишься чёрт знает где… – отчитывал отец, но глаза улыбались.

– Пап, глянь! – Иган протянул копьё, – это мне легендарный дракон дал! – Мальчик светился от радости. Отец оторвался от еды, поглядел на копьё, приподнял одну бровь:

– Неплохо! Усилить у кузнеца, поправить у заточника, ювелир камни поставит, хозяин рун наколдует немного и будет совершенное оружие… – задумчиво произнёс отец. Иган уже проглотил обед и что-то рисовал на клочке бумаги. Странные, загадочные узоры выходили из под руки мальчика.

– Хватит тебе уже без дела носиться, – произнес отец. – Завтра со мной пойдешь – пора ремесло осваивать.

Потом отец взял в руки рисунок сына. Несколько минут внимательно смотрел, потом произнес:

– А на железе сможешь так же нарисовать?

– Не знаю, – ответил сын, – можно попробовать. Я смотрю на вещь, и почему-то хочется нарисовать тот или иной узор, и каждой вещи свой, собственный рисунок, – глаза мальчишки заблестели, и сразу стало понятно, что он говорит о любимом деле.

– Вот завтра и попробуешь, – улыбнулся отец, – а теперь спать. Устал я сегодня.

Наутро отец и сын отправились на двор ремесленников.

Самые разные люди, разной внешности и возрастов были заняты одним делом – они делали оружие.

– Паа, вроде и войны вот сейчас нет, а оружие не перестают делать. Почему? – сын с интересом разглядывал всё, что происходило вокруг.

– Сын, но есть же ещё арена, турниры и множество других сражений, да и тролли последнее время себя очень агрессивно ведут. Так что, оружие нужно, сын. И прежде чем любое оружие раскроет всю свою мощь, покажет – на что оно способно и заиграет в руках умелого воина, оно пройдет долгий путь, побывает во многих руках, у многих мастеров…

– Я, как ты знаешь, кузнец. И это самый первый этап сотворения оружия, – продолжал отец.

Они вошли в помещение, где уже работали несколько человек.

– Сначала мы просто делаем болванки. Потом уже в зависимости от силы и возраста воина подстраиваем его под хозяина. Ещё мы делаем на оружии ячейки для драгоценных камней. Пойдём, покажу что дальше. Отец взял небольшой меч, и они отправились к другому помещению.

– Это лавка ювелира. Здесь мастера ставят камни. Ценность их зависит от возможностей хозяина. Самые дорогие – мифические камни, но они дают оружию больше, улучшая его.

– Далее идет заточник, – они зашли в новое помещение. – Этот мастер может улучшить как всю вещь, так и отдельные её части. Дело это тонкое и кропотливое, но зато позволяет поднять вещь на самый высокий уровень.

Иган молча, но очень внимательно слушал всё, что рассказывал отец. Уточнял, переспрашивал, брал в руки, разглядывал.

– Паа… а что там за маленький домик в конце двора? – спросил Иган.

– А это… Это дом хозяина рун… – Ответил отец. – пойдём…

Они подошли к домику, отворили дверь.

– Кто там? – раздался знакомый голос.

– Мама? – глаза Игана полезли из орбит, – ты чего тут делаешь? Как ты здесь оказалась?

Женщина, улыбаясь, обняла сына:

– А я хозяин, вернее хозяйка рун, – произнесла она, – ко мне приходят, когда уже пройдены все этапы подготовки оружия. А я… я немного колдую над ним, добавляя силы или энергии или ещё чего.

– Ты родился в семье оружейников! – сказал отец.

Они стояли, обнявшись – отец, мать и сын. Их лица светились любовью друг к другу и к общему делу.

– А я? А кем стану я? – Спросил Иган.

– А ты… Ты можешь выбрать любое из ремесел, которое придется тебе по душе. Или начать своё дело. – отец хитро улыбнулся…

– Пойдем в кузницу.

Войдя в кузницу, отец положил перед сыном меч, который вместе с ними прошел всех мастеров.

– Попробуй нарисовать что-нибудь на нём. – сказал отец, протягивая Игану резец.

Иган взял в руки резец, положил меч на стол, сел. Несколько минут сидел молча, глубоко задумавшись. Потом робкими движениями начал рисовать на мече узор. Постепенно движения стали более уверенными и из-под его руки стали появляться вензеля, узоры, переплетения орнамента. Спустя некоторое время, облегченно вздохнув, выпрямился и протянул отцу работу.

– Вот… Этот меч я увидел именно так… – сказал сын.

– Как думаешь, что означает твой узор? С интересом разглядывая меч, спросил отец.

– Не знаю… но… можно я попробую его в бою на арене? Ну, пожалуйста! Ведь есть же бои для таких же, как я?

– Хорошо. Попробуй.

Бои для мальчишек проводились неподалеку. Там не было тех суровых правил взрослой арены. Там начинающие гладиаторы оттачивали своё мастерство.

– Как звать тебя, воин? – обратился к Игану наставник арены.

– Я… Зовите меня… Гравёр! Да. Меня зовут Гравёр! – Гордо вскинув голову, ответил Иган.

Мальчишка стоял на арене, крепко сжав меч. Не было ни страха, ни волнения. И вот раздался гонг, возвещающий начало боя. И меч ожил в руке Игана. Мальчишка кружился и уворачивался, словно всем своим телом повторяя узоры и рисунки на своем оружии. Казалось, что неведомая сила вселилась в это молодое тело. Удар – поворот… удар – поворот… Иган исполнял танец меча… Люди на трибунах замерли в молчании… Меч и рука мальчика, словно

одно целое, словно кисть художника скользит по холсту, так и мальчик скользил по арене. Наставник объявил конец боя:

– Победитель Гравёр! Чистая победа!

Трибуны взорвались победными криками, приветствуя нового героя и мастера.

Иган стоял посреди арены, подняв вверх руку с зажатым в ней мечом и, казалось, рисунки на оружии светились живым светом.

Улыбка озаряла его лицо и за этой улыбкой уже чувствовалась грозная поступь великого гладиатора, воина и мастера.

Часть 2

Воин сидел на камне и рисовал на песке. Голову покрывал платок, лица не было видно. «Наверняка, парню шлем велик…» с улыбкой подумал Гравёр. Прошло 10 лет с того дня, когда Иган впервые вышел на арену под этим псевдонимом. Он по-прежнему занимался любимым делом – резьбой по металлу в мастерской отца и участвовал в поединках на арене. Из мальчишки он превратился в мужчину – красивого, сильного, смелого. Ясный взгляд и светлый ум – мечта многих девушек в округе.

– Нравится рисовать? – спросил негромко Гравёр у воина. Но тот, похоже, не слышал его и продолжал выводить узоры на песке.

– Парень, я к тебе обращаюсь! – громче произнес Гравёр. Плечи воина дернулись, воин поднял голову и… на Игана глянули огромные ярко-голубые глаза…

– Святые Небеса! Да ты… ты… девушка! – воскликнул Иган. Хрупкая рука стянула платок с головы, и каскад волос, цвета спелой пшеницы, упал на лицо и плечи девушки. Звонкий смех раздался над площадью.

– Что с тобой, воин? Ты никогда не видел вблизи девушек? – всё ещё смеясь, спросила она.

– Видел, конечно, и не только видел… – в глазах Игана заплясали чёртики.

– Но я не много видел девушек-воинов. И не видел ни одной девушки-гладиатора.

– Я Лика… Лика – Звонкий Ручей. – представилась девушка.

– Лика… Лика… – Иган повторял шёпотом её имя, а в голове уже всплывало всё, что он слышал про неё.

Последнее время среди гладиаторов ходили слухи о чудо-воине, о девушке. Необычайно хрупкая, и необычайно неуязвимая. Немногие гладиаторы могли похвастать тем, что хоть один их удар достиг своей цели. Давно канули в лету бои гладиаторов без правил. Бои до смерти. Теперь уже гладиаторы бились по определенным правилам, и смерть на арене была редким исключением. Но всё-равно немногим удавалось избежать ран, которые потом долго болели.

Иган смотрел на девушку и вдруг его сердце сжалось от боли – перед глазами очень ярко встала картинка: Лика… на арене… в крови… и её глаза, широко распахнутые от боли…

– Нет! – сказал Иган и рукой словно отмахнулся от наваждения…

– Что с тобой? – спросила Лика.

– Ты участвуешь в сегодняшних боях? – вопросом на вопрос ответил Иган.

– Ну да. Иначе, зачем я здесь? – в глазах девушки плескалось беспокойство.

– Откажись от участия, – произнес Иган, – я не могу это объяснить, но почему-то кажется, что произойдет что-то нехорошее.

– Неужели, великий Гравёр беспокоится за меня? – с улыбкой произнесла девушка, – не волнуйся. Всё будет хорошо. Это самый обычный день и самый обычный бой. Один из многих.

– Надеюсь… очень надеюсь… – почти шёпотом произнес Иган и пошел прочь.

– Увидимся на арене! – вслед прокричала Лика.

– Увидимся… – прошептал Иган, ускоряя шаг…

На город опустился вечер. Трибуны были переполнены. Десятки факелов освещали арену. Гравёр участвовал сегодня только в одном бою, подал заявку только чтобы не терять навыки. Сначала по расписанию шли командные бои. Потом бои два-на-два. И под занавес – бои один-на-один – апофеоз всех гладиаторских поединков. Гравёр взглядом искал Лику среди воинов, ожидавших своего выхода. Он подошел к девушке и молча встал рядом. Лика сидела на корточках и, как ни в чем не бывало, рисовала на песке узоры и что-то шептала.

– Ты днём так и не ответила. Любишь рисовать? – обратился к ней Иган.

– Аааа… великий Гравер… как бы тебе объяснить… Мы оба художники. Только ты рисуешь смерть. А я рисую жизнь…

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ты делаешь рисунки на оружии, которое несёт смерть. А я делаю рисунки на теле людей, которые защищают их от ран, от смерти, и много ещё от чего. – голос девушки звучал тихо и как-то печально.

– Уважаемая публика! А теперь перед вами восхитительный, великолепный, неповторимый… Художник и воин… Гравёр! – донёсся с арены крик глашатая.

– Его соперник – могучий, хитрый, непобедимый Белый Тигр!

– Не пропадай, я скоро вернусь! – крикнул Иган Лике и поспешил на арену. Бой был долгим, но лишь потому, что Иган играл с соперником как кошка с мышью. Народ жаждал зрелищ, а, значит, бой должен идти хотя бы несколько минут. Несмотря на громкое имя, Белый Тигр оказался воином среднего уровня и Иган уже на первых секундах понял, что победа у него в кармане.

– Дамы и господа! Победитель – Граааавёр! Слава победителю! – провозгласил глашатай.

Иган поклонился трибунам и поспешил на поиски девушки. На том месте, где они расстались, на песке сохранился рисунок… «ты не умрёшь» – прочитал Иган среди затейных узоров.

– Уважаемая публика! На арене… Великолепная! Неподражаемая! Очаровательная! Единственная и Неповторимая! Лика Звонкий Ручей! – донёсся до Игана крик глашатая. Он стремглав кинулся к арене.

– Соперник – жестокий… беспощадный… Ледяной Меч!

Трибуны взорвались оглушительным криком, приветствуя воинов. Иган стоял и чувствовал, как кровь застывает в венах. Он знал этого гладиатора. Иган сам ковал для него меч. И Иган сам выгравировал на нём надпись «беспощадный».

Начался бой. Лика скользила по арене, легко, словно бабочка. Меч в её руке выглядел, как волшебная палочка в нежных руках феи. Нанося, казалось бы, невесомые удары по огромному сопернику. Ледяной Меч гонялся по всей арене, махал мечом наотмашь, но ни один удар не достигал цели. Бой продолжался уже несколько минут, и было заметно, как устал Ледяной Меч. Спесь и хладнокровие покинули его. Лика выматывала своего противника, и казалось, не чувствовала усталости. Но трибуны ждали крови. Трибуны ждали зрелищ.

– Ты не гладиатор! Ты жирная свинья! – стало раздаваться со всех сторон.

– С бабой справиться не можешь! Позор!

И на арену полетели овощи – таким способом зрители высказывали своё возмущение. Лика ловко уворачивалась от ударов Ледяного, но, поскользнувшись на одном из помидор, что так щедро летели на арену, вдруг опустилась на колени. Ледяной Меч занес над ней своё оружие…

– Нееееееет! – закричал Иган, и нарушая все правила и законы арены, кинулся к девушке, закрывая её своим телом.

– Почему вдруг стало так тихо и темно? – прошептал Иган…

Я боль твою возьму себе,
Тебе ни капли не оставлю.
Ты шёл наперекор судьбе —
Наперекор судьбе тебя я жить заставлю.

Я твои раны залечу

И силы в тело вновь вернутся.
Открой глаза. Я так хочу
К тебе губами прикоснуться.

Очнись, мой ангел, ото сна —
Твой смерти час ещё не пробил.
Пишу я жизни письмена,
Чтоб ты улыбкой мир сподобил.

Иган открыл глаза. Странно – он не чувствовал боли. Ощущение было такое, словно он просто хорошо спал.

– Ну вот куда ты бежал? – раздался знакомый голос.

– Тебя догонял. Боялся потерять. – ответил Иган.

Он лежал почти обнаженный. Тело его покрывали затейливые рисунки.

– И что мне теперь со всей этой красотой делать? – Иган удивлённо разглядывал своё тело…

– Мммм… ну, не знаю… Можешь ходить так до старости. А можешь принять ванну, – засмеялась Лика.

– А моя целительница-гладиаторша потрёт мне спину? – смущённо поинтересовался Иган.

– Думаю… да, – краснея ответила девушка, – но после этого вы просто обязаны будете на мне жениться! – она звонко засмеялась, и эхо подхватило её смех разнося его по самым затаенным закоулкам спящего города.

Часть 3

– Лиииикаааааа! Я люблююю тебяяяя! – Гравёр стоял на вершине скалы…

Над ущельем поднималось солнце, бросая осторожный свет на спящий город. Иган стоял, наслаждаясь ветром и солнцем, и столько радости, столько счастья исходило от него, что казалось, что вся радость мира сегодня собралась именно здесь, в его маленьком родном городке. После того памятного боя на арене они с Ликой тихо обвенчались у местного священника. Иган нёс свою жену на руках до дома, бережно прижимая, словно самое хрупкое и дорогое сокровище… Родители были счастливы, глядя на новобрачных.

И потекла размеренная спокойная жизнь. Иган вместе с семьёй днём работал в лавке мастеров, а вечером выступал на арене. Старый меч из копья мантикоры давно висел на стене, а себе он выковал новый, сделав на нём надпись «Repono amor!» что в переводе с латыни означало – Хранимый любовью! Перед каждым боем Лика брала краски, которые делала сама (их рецепт передавался из поколения в поколение вот уже много веков) и тонкой кистью рисовала затейливые узоры на теле любимого, шепча – «ты рисуешь смерть… я рисую жизнь… умирать не смей… ты же должен жить…» И дальше, сколько Иган не пытался понять, так и не смог разобрать ни единого слова. И правда, с момента их встречи Иган не проиграл ни одного боя, не получил ни одной царапины. Слава о непобедимом воине-гладиаторе уже давно разнеслась далеко за пределы их маленькой страны.

Лика тоже продолжала участвовать в боях. Маленькая, хрупкая, она стремительно двигалась по арене, выматывая противника, и наносила ощутимые удары. Она уворачивалась так изящно, что, казалось, что это совсем не бой, а танец. И когда могучие суровые воины падали ниц на арене, трибуны взрывались восторженным шквалом аплодисментов. Но сегодня вечером Лика выйдет на арену в последний раз – такое решение принял Иган. Ибо сегодня ночью… да да… сегодня ночью его маленькая, хрупкая, отважная жена прошептала:

– Ты скоро станешь папой… – Иган от счастья так и не смог уснуть, и чуть в окнах забрезжил рассвет, пришел на эту скалу, чтобы при восходе солнца вознести хвалу небесам, что так благосклонны к нему и его семье.

Иган стряхнул оцепенение от нахлынувших воспоминаний и легкой походкой направился домой. Сегодня был выходной, и город тихо мирно спал. По дороге домой мужчина нарвал букет цветов и теперь спешил положить их на постель любимой, которую оставил спящую с улыбкой на нежных губах.

Дверь дома была приоткрыта… Ледяной холод пробежал по спине…

– Лика! – Иган опрометью бросился в дом…

В его доме. В его кресле. Держа в руке его меч, сидел незнакомец… И четыре огромных воина стояли по обе стороны от незнакомца. Дверь в спальню была открыта – на кровати никого не было.

– Где моя жена? – Иган двинулся на незнакомца.

– Тихо. Тихо. Тихо. Успокойся. С ней всё в порядке. Она жива и здорова и так будет и дальше, если… ты выполнишь моё условие.

– Говори, – сквозь зубы процедил Иган.

– Ко мне в гости едет старый очень хороший друг… – медленно, растягивая каждое слово, начал незнакомец… – Я долго думал, что я могу ему подарить, чем могу его удивить. И, знаешь, вообще ничего не приходило в голову. Да и как, и чем можно удивить человека, у которого есть ВСЁ. Но на последних состязаниях гладиаторов победу одержал один воин. Великолепная победа. Так вот, когда я вручал ему награду, он сказал:

– Есть только один воин, которого я так и не смог победить… – я очень удивился и спросил, как зовут этого воина…

– Гравер. Его имя Гравер. – ответил воин.

И тогда я подумал, что может быть лучше хорошего боя. Лучший подарок для хорошего воина – это хороший бой. А мой друг не просто хороший воин. Он лучший, из известных мне. И я подарю ему достойный бой с достойным соперником. И этим соперником будешь ты, Гравёр.

– Всё что тебе нужно, это победить… или не победить моего друга… я хочу видеть хороший бой. Всё просто. А твоя жена поедет с нами как залог того, что ты не сбежишь и не натворишь каких-либо других глупостей. Надеюсь, ты меня прекрасно понял. – незнакомец улыбнулся, впервые за всё время.

– А что будет, если я одержу победу? Где гарантия того, что ты отпустишь нас? – спросил Иган.

– А у тебя есть выбор? – с усмешкой спросил незнакомец.

– Гарантией будет моё слово. Слово воина. Если ты останешься жив, ты поедешь домой.

– Я согласен. – ответил Иган.

Они вышли во двор, где на одной из лошадей уже сидела Лика. Девушка подняла глаза на мужа, и столько спокойствия, столько уверенности было в её взгляде, что Иган вдруг тоже успокоился. Ему связали руки и посадили на лошадь позади одного из воинов.

– По коням! – Скомандовал Незнакомец и маленький конный отряд двинулся в путь, поднимая пыль, по спящим улицам города. Вскоре они и вовсе скрылись из виду, унося наших героев в неизвестность.

Дорога заняла чуть более суток. За всё время отряд только ночью остановился на недолгий привал. Ближе к полудню второго дня пути отряд въехал в небольшой, но очень богатый город. Проехав по широким чистым улицам, всадники остановились у большого замка.

– Вот мы и дома! – громко сказал Незнакомец, слезая с коня. Лику и Игана поселили в разных комнатах, несмотря на просьбы и уговоры.

– Если ты будешь себя вести благоразумно, то я со своей стороны обещаю полную безопасность твоей жене. – сказал Незнакомец и тяжелая дверь закрылась за ним, оставляя Игана наедине с тяжелыми думами.

Обстановка в комнате была скудная, но было чисто и тепло, и была кровать. Иган прилёг и не заметил, как провалился в тяжёлый тревожный сон.

Пробуждение пришло вместе с шумом, доносившимся с улицы. Иган подошел к маленькому окну, сквозь прутья решётки он увидел всадников, въезжающих во двор замка.

– Ну, вот ты и приехал, дорогой гость… – задумчиво проговорил Иган.

Спустя некоторое время дверь комнаты открылась, и на пороге появился человек. Невысокий, коренастый, словно весь сделан из мышц. Бесшумной походкой он подошёл к кровати, на которой лежал Иган.

– Так вот ты какой… Непобедимый Гравёр… – тихим голосом, похожим на шипение змеи проговорил незнакомец.

– Позволь узнать твоё имя, воин. – сказал Иган, поднимаясь с кровати.

– Меня зовут Вранед. Может, когда и слышал обо мне, – всё так же шипя, произнес незнакомец.

– Вранед… – Иган знал это имя, но никогда не доводилось лично встречаться с ним. О Вранеде ходили легенды, он прославился своей хитростью и жестокостью. Говорили, что очень часто он вырывал сердце у своих врагов на арене прямо голыми руками…

– Наслышан… – сказал Иган, – так когда будет бой?

– Не спеши. Я много слышал о тебе и о твоих талантах и поэтому у меня будет одно условие.

– Какое? – спросил Иган.

– Ты лично сделаешь мне меч и ты лично сделаешь на нём гравировку, такую, какую скажу я, – хитро ухмыляясь, сказал Вранед.

– Хорошо. Я согласен. Ну а мне то дадут хоть какое-нибудь оружие?

– Ну конечно! Я только за честный бой, – неожиданно громко засмеялся Вранед, – сейчас тебя отведут на кузницу и дадут всё необходимое для изготовления меча. Как только он будет готов, мы сразимся. И я, наконец-то, узнаю, так ли ты хорош, как о тебе говорит народ.

Игана отвели в кузницу. Да простит меня читатель, что опускаю процесс изготовления оружия. Когда меч был готов, в кузницу вошел Вранед. Очень придирчиво, со знанием дела, он долго разглядывал меч.

– Что я должен написать на нём? – спросил Иган.

– Напиши… Напиши мне на нём… – Победивший Гравёра! – кузницу залил очень неприятный смех.

– Как пожелаешь… – пожав плечами, ответил Иган и принялся за дело. Как только надпись была сделана, от меча, до этого бывшим просто оружием, вдруг повеяло таким холодом, что Иган вздрогнул.

– Хорош меч… – разглядывая оружие, произнес Вранед, – бой состоится завтра утром. Арену покинет только один из нас.

Вечером Иган попросил, чтобы ему разрешили свидание с женой и Незнакомец вдруг согласился. Девушку привели, и дверь за ней закрылась.

– Со мной всё хорошо, любимый! – Лика бросилась на шею мужу и, уже не сдерживая слёз, прильнула к нему.

– Маленькая моя, милая моя, моя ты девочка… – Иган прижимал к себе Лику, и сердце бешено билось в его груди.

– Ты победишь! Ты обязательно победишь! – вытирая слёзы, твердила Лика.

– Ты знаешь, что написано на его мече? – тихо спросил Иган.

– Победивший Гравёра… – девушка опустилась на кровать, закрыв лицо руками, и замерла, – если бы у меня были с собой мои краски… – задумчиво произнесла Лика.

– Но их у нас нет. – тихо сказал Иган…

– Знаю! Сейчас! – девушка вскочила и начала расстёгивать платье.

– Малыш… – Иган смотрел на неё, широко раскрыв глаза. Но девушка уже что-то оторвала от платья.

– Вот! – на её ладони лежала булавка с очень острым концом.

– Сейчас… Ты не умрешь! Я обещаю! Я знаю.

Взгляд девушки упал на тарелку. Поставив её перед собой на кровати, Лика стала колоть булавкой пальцы. Иган, потеряв дар речи, молча следил за её действиями. Когда ярко-алая кровь тонким ручейком потекла в тарелку, Иган не выдержал:

– Остановись! Что ты делаешь?

– Снимай рубашку! – приказала девушка.

До Игана стало доходить, что именно хочет сделать Лика. Сняв рубашку, он сел на кровать…

– Маленькая моя… любимая моя… сокровище моё… тебе же больно. – шептал Иган.

– Мне будет больнее, если тебя вдруг не станет… – так-же тихо прошептала Лика. Обмакнув конец булавки в кровь, Лика начала свой самый главный ритуал в жизни.

Ты рисуешь смерть —
Я рисую жизнь.
Умирать не смей —
Ты же должен жить.

Лика читала и читала заклятье… Голос её становился всё тише и тише. Хрупкая рука выводила на теле мужчины кровяные узоры.

– Одевайся… – еле слышно прошептала Лика.

Казалось, что в этот ритуал она вложила все свои силы. Иган оделся, сел на кровать и прижал к себе девушку. Так они и сидели, пока за Ликой не пришли. Уже у двери она обернулась и произнесла:

– Что бы завтра не происходило на арене – не бойся… Я рядом.

Утро встретило Игана ярким солнцем и пением птиц. Всю ночь он, словно в бреду, лежал на кровати, узоры на теле странно горели и Игану слышался шёпот не неведомом ему языке.

«Моя девочка… Я знаю – ты тоже не спишь…» – думал Иган. Когда за ним пришли, чтобы проводить на арену, Иган стряхнул с себя оцепенение и понял, что чувствует себя на удивление бодро. Перед выходом на арену ему дали старый, почти ржавый короткий меч и еще более старую кольчугу.

– Накомарник, в котором семеро померло… – с усмешкой произнес Иган. Но выбора не было и пришлось одеть хоть какую-нибудь защиту…

– Пора. Народ ждет. – сказал один из провожавших.

Иган вышел на арену.

– Дамы и господа! Сегодня мы собрались, чтобы увидеть бой двух великих воинов! – хозяин замка стоял на трибуне в праздничных одеждах. Трибуны были до отказа забиты горожанами.

– Давайте поприветствуем неуязвимого Гравёра! – шум толпы перекрыл голос хозяина.

– Его противник. Мой близкий друг и великий воин, не проигравший ни одного боя – Вранед!

Трибуны снова взорвались новой волной.

– Да победит сильнейший! – провозгласил хозяин замка.

Иган и Вранед стояли друг напротив друга. Взгляд Игана выхватил из толпы Лику, сидевшую под охраной двух воинов. Губы девушки беззвучно двигались. Вдруг что-то промелькнуло перед его лицом, Иган едва успел увернуться. Это Вранед уже начал бой. Иган уворачивался и наносил удары, но меч в руке противника словно угадывал все его движения. Удары Вранеда были точны и сильны. Два умелых воина, не уступавших друг другу ни в ловкости, ни в силе.

Один пришёл на этот бой ради славы.

Другой – ради будущей жизни.

Один в лучших доспехах и с мечом, сделанным искусным мастером. Мечом, заряженным на смерть самим Иганом.

Другой в рваной кольчуге с ржавым мечом, но всё его тело было покрыто магическими рисунками, сделанными кровью его любимой.

Казалось, что бой длился уже очень долго. Усталость, волна за волной, накатывала на Игана. Рука немела. Глаза застилал пот. Случайным взглядом выхватил Лику. Со стороны можно было подумать, что девушка находится в глубоком трансе. Её глаза глядели в небо, а губы шептали… шептали… шептали… Меч в руке Вранеда светился каким-то тёмным, зловещим светом. Выпад – удар и боль полоснула по плечу Игана. Ещё выпад… ещё удар… и старая кольчуга упала на песок арены, рассечённая на груди… Силы покидали…

И тут в небе над ареной стало происходить что-то невероятное. Сначала стая огромных воронов накрыла небо, стоял невообразимый шум. Потом небо стало затягивать чёрными тучами. Иган бросил взгляд на Лику – девушка продолжала шептать. Она сложила руки в мольбе, и небо взорвалось молниями. Острая боль пронзила бок – меч Вранеда распоров рубашку, больно скользнул по телу Игана. Иган упал на одно колено, зажимая рану на боку. Вранед занес над ним меч.

– Конец тебе, непобедимый Гравёр! – громко прокричал Вранед.

И тут, перекрывая шум стаи птиц, шум трибун, раскаты грома, вдруг сквозь эту какофонию шума до Игана донесся голос – девушка что-то кричала на никому неизвестном языке. Лика стояла, протянув руки к небу, ветер трепал её волосы, развивал её одежды.

– Ты должен жить! – отчётливо донеслось до Игана. И в тот же момент он почувствовал огромный прилив сил. Сделав, выпад со всей силы, Иган толкнул противника, свалил его с ног, коленом упёрся ему в грудь и приставил свой короткий ржавый меч к горлу Вранеда:

– Извини, но сегодня я не готов умирать! – твёрдо проговорил Иган.

– Пощади… – прохрипел Вранед.

Меч выпал из его руки и валялся далеко на песке арены. И наступила тишина. Рассеялись чёрные тучи, исчезли птицы. Ярко светило солнце.

– Дааа… Ты поистине великий воин, Гравер… – в абсолютной тишине раздался голос хозяина замка.

– Я дал слово и я обязан сдержать его… Ты свободен! Вы можете покинуть город.

Наши герои благополучно добрались до дома, а через восемь месяцев Лика родила сына. Видимо события оставили свой след и на тёмных волосах мальчика пролегла белая полоса, из-за которой мальчику дали имя – Silver beam – Серебряный луч.

Гладиатор. Part 2

Ты на арену сделал первый шаг,
Блестят доспехи, солнце отражая,
И верный меч в руке твоей зажат,
Ни страха, ни сомнения не зная.

Арены пол – безжизненны песок.
Он как никто со смертью породнился.
Он стал циничен, холоден, жесток,
Когда впервые кровью окропился.

Песчинки под твоей ногой шуршат,
И каждая поет свою историю.
Одна расскажет про предсмертный взгляд,
Другая про восторг аудитории.

Но ты не слышишь, ты уже в бою.
Скандируют трибуны твоё имя,
Вот сотоварищи перед тобой встают,
И ты уже готов сразиться с ними.

Победой завершился первый бой,
Ты пережил свой первый приступ боли.
Мир гладиаторов распахнут пред тобой,
Актер арены. Ты им стал невольно.

Ты зрелище для сотни тысяч глаз,
Потеха для господ и для народа.
И на арене ты для всех сейчас,
Актер без имени, без племени и рода.

Скажи, а каково же убивать?
Что чувствуешь, и чем сознанье дышит?
Тебя учили просто выживать?
А разум твой чужое сердце слышит?

Что чувствуешь, когда твой острый меч,
Пронзая плоть проходит как по маслу?
И как сознание при этом уберечь,
И как не превратить смерть в постоянство?

Не знаешь ты. Откуда тебе знать.
Еще нет вмятин на твоих доспехах,
Ты вышел просто чтобы побеждать.
Твой первый шаг к чистилищу успеха.

Арены круг. Безжизненный песок.
Таких как ты здесь было слишком много.
От смерти каждый раз на волосок,
Отчаянно с мольбой взываешь к Богу.

А ночью под мерцающей луной,
Бесшумной тенью призрак – гладиатор,
Приходит, беспокоя отдых твой,
Душа тобой убитого собрата.

Новый Год

Два часа до Нового Года,
Кефыч трезв и устало сражается,
Оглянулся – море народа,
Горы трупов везде валяются.
И подумал варвар с досадою:
– Ну кому и зачем это нужно?
Мне сейчас бы вина и бабу бы,
А не эта проклятая служба!
Кровь и снег под ногами хлюпают,
Пот ручьем из под шлема катится,
Слепы те, кто наивно думают,
То что варвар боями славится.
Кефыч снова на поле битвы взглянул,
Где остались друзья и товарищи,
Вытер пот, потянулся и громко зевнул:
– Ох уж эта война-дурманище!
Развернулся и двинулся с битвы прочь,
Закричали во тьме пересмешники,
Задрожала земля и холодную ночь
Разорвал грозный крик – Кочевники!
Воин только устало плечами пожал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.